

Древне-еврейская школа.

*Къ исторіи воспитанія у древнихъ евреевъ послѣ плѣна
Вавилонскаго.*

Сильное средство вразумленія жестоковыйнаго Израиля—плѣнъ Вавилонскій оказалъ свое дѣйствіе. Въ горнилахъ страшныхъ бѣдствій и тяжкихъ страданій размягчилось и заереплавилось то огрубѣлое сердце народа, которое такъ много не могли согрѣть самыя пламенныя рѣчи пророковъ. Въ плѣну Вавилонскомъ нашелъ народъ и грозную кару за свою непокорность и—что было важнѣе для него по своимъ послѣдствіямъ—силы для своего возрожденія и обновленія. Это была именно та среда, та школа, какая нужна была для перевоспитанія народа.

Горькія слезы плѣнниковъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, слезы о дорогой родинѣ, о великомъ городѣ и его святыняхъ, о страшномъ разрушеніи и опустошеніи ихъ, были слезами не горя только, но и раскаянія. Въ этихъ слезахъ омылъ народъ вину свою; онъ понялъ причину бѣдствій своихъ и ясно увидѣлъ теперь, гдѣ источникъ его силы и величія. Новое поколѣніе, выросшее въ плѣну, возвращаясь въ Палестину, уже несло съ собою глубокую преданность Іеговѣ и самыя горячія стремленія строго блюсти законъ Его. Мы видимъ, какъ проникнутый этими стремленіями, охваченный порывомъ религіознаго чувства, „весь народъ, какъ одинъ человекъ“, собирается въ Іерусалимъ къ Ездру и проситъ его принести книгу закона Моисеева, какъ онъ,

услышавъ первыя слова Ездры, воздѣваетъ руки къ небу и „повергается предъ Господомъ лицомъ до земли“, какъ затѣмъ плачетъ отъ умиленія, слушая слова закона (Неем. VIII, 1—9). Такъ на развалинахъ своего древняго священнаго города начиналъ Израиль новую жизнь.

Тотъ самый законъ, который къ концу доисторической эпохи пришелъ въ совершенное забвеніе и объ исполненіи котораго напрасно увѣщевали народъ пророки, теперь естественно занялъ первое мѣсто въ жизни еврея. Къ нему обращается теперь Израиль какъ къ испытанной и потому уже бесспорно вѣрной основѣ жизни, какъ къ надежному оплоту своей національности, какъ къ единственной святынѣ, оставшейся ему отъ дней древнихъ и имѣющей замѣнить для него и храмъ и всѣ утраченныя святыни его. Любовь къ закону и благоговѣйное уваженіе къ нему достигаютъ высшей степени и въ народѣ и въ средѣ руководителей его. Строго слѣдовать закону—таково отнынѣ первое требованіе въ жизненномъ кодексѣ каждаго еврея. Изучить законъ, истолковать съ возможною подробностью всѣ положенія его, предусмотрѣть при этомъ всѣ возможныя случайности при выполненіи каждаго изъ нихъ на практикѣ—такова отнынѣ высшая цѣль, главная задача представителей мысли, ученыхъ раввиновъ, книжниковъ.

При такихъ условіяхъ начинается и постепенно все болѣе крѣпнетъ то направленіе жизни еврейскаго народа, которое затѣмъ прочно укладывается въ форму такъ называемаго *законничества*, опутывающаго каждый шагъ еврея цѣлою сѣтью преданій, ученыхъ мнѣній, авторитетныхъ толкованій, нагромодившихся вокругъ каждаго слова древняго Моисеева закона и похоронившихъ духъ и смыслъ его въ мертвой буквѣ обрядности.

Это законническое направленіе жизни еврея,—заявившее себя, конечно, не сразу, а развивавшееся и устанавливавшееся лишь постепенно, вѣками,—должно было отразиться и въ

воспитаніи. Идеаль послѣдняго, повидимому, держашійся прежней основы, получаетъ однако другое освѣщеніе. Это уже не та благоговѣйная преданность Іеговъ, которая должна корениться по преимуществу въ сердцѣ еврея,—куда долженъ онъ сложить и гдѣ хранить, по слову Моисея (Второз. VI, 6; IV, 9), всѣ постановленія и заповѣди Іеговы: идеаломъ теперь служить особая праведность—законническая. Дѣйствующимъ органомъ ея является не сердце, а умъ чловѣка, такъ какъ она требуетъ не столько извѣстныхъ чувствъ или расположеній, сколько знанія всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ тонкихъ нитей, какія сплелись громадною сѣтью вокругъ основной ткани—древней Торы писанной. Отсюда, если прежде начало премудрости составлялъ „страхъ Господень“ и „начало разумѣнія“ заключалось въ „благоговѣніи къ Богу“ (Притч. I, 7; IX, 10), то теперь эта мудрость являлась достояніемъ исключительно ума и приобѣталась лишь путемъ долговременнаго *изученія* всего сложнаго сооруженія закона. Уже въ книгѣ Премудрости Іисуса сына Сирахова, какъ мы видѣли, отмѣчается нелегкость усвоенія этой мудрости: для этого рекомендуется посѣщать „собранія старцевъ“ и „прилѣпиться“ всею душою къ избранному мудрецу: „ходить къ нему съ ранняго утра“, „истирать пороги дверей его“ (Сирах. VI, 35—36). Позднѣе, съ развитіемъ преданій, по мѣрѣ нарастанія скрупулезныхъ юридическихъ нормъ еврейскаго права, знаніе закона въ его цѣломъ объемѣ становилось еще труднѣе: его нужно было *учить* и учить долго.

Съ такимъ измѣненіемъ идеала воспитанія, когда конечная цѣль его была намѣчена въ направленіи каждаго юнаго еврея къ этой особой праведности законнической, должны были явиться и новые пути для достиженія этой цѣли. Такъ, необходимость знанія закона, въ смыслѣ детальнаго усвоенія и вѣрнаго пониманія всѣхъ положеній его, породила цѣлый классъ особыхъ носителей этого знанія,

людей, поставившихъ специальною задачею для себя, дѣломъ всей жизни своей—изученіе и толкованіе закона. Таковыми и явились книжники—Sopherim,—не писцы, каково буквальное значеніе этого слова, а именно лица, посвятившія себя изученію закона и ставшіе знатоками его. Такое знаніе закона настолько поднимало ихъ надъ массою народа, что послѣдній по всѣмъ недоумѣннымъ вопросамъ въ сложной области закона, естественно, обращался къ нимъ за разъясненіемъ и наставленіемъ. Отсюда—глубокое значеніе этихъ свободныхъ мудрецовъ, какъ руководителей народа, влияніе ихъ на всѣ стороны народной жизни и тотъ особый авторитетъ, какимъ окружено было имя книжника вездѣ, гдѣ только ни появлялся онъ.

Но тотъ же законъ, далѣе, долженъ былъ распространиться въ возможно большей степени и среди всего народа: знаніе его, какъ руководящей нормы жизни, было обязательно для каждого еврея. Отсюда являлась необходимость наставленія въ законъ уже въ періодѣ воспитанія, сообщенія его каждому новому поколѣнію, а при обширности и сложности этого закона, необходимость книжнаго изученія его въ правильномъ систематическомъ порядкѣ. Эта сложная и нелегкая задача не могла быть выполнена простыми средствами семьи; являлась нужда въ такомъ учрежденіи, которое взяло-бы эту задачу на себя и тѣмъ самымъ выполненіе ея сдѣлало-бы возможнымъ и удобнымъ для всѣхъ евреевъ. Явилась нужда въ школѣ.

Итакъ, только теперь, вмѣстѣ съ развитіемъ законническаго направленія жизни, возникаетъ у евреевъ школа. Въ этомъ сказалась та же особенность еврейскаго народа, которая составляетъ основную характерную черту всей исторической жизни его. Въ основѣ послѣдней, какъ главный рычагъ, заправляющій движеніемъ всѣхъ важнѣйшихъ функций ея, лежитъ религія. Она даетъ направленіе всему; въ ней мы находимъ объясненіе всѣхъ выдающихся явленій въ

жизни Израиля. Такъ и относительно разсматриваемаго факта. До сихъ поръ, на протяженіи столь долгаго времени, не смотря на все культурное развитіе народа, мы не видимъ у него школы, этого столь естественнаго учрежденія, возникающаго вездѣ вмѣстѣ съ назрѣвшею потребностью передачи знаній юнымъ поколѣніямъ путемъ книжнаго обученія ихъ. Гдѣ причина этого? Въ состояніи основного жизненнаго нерва—религіи народа. Пока послѣдняя не вылилась въ сложную форму „закопничества“, и пока не была, въ силу политическихъ обстоятельствъ, такъ глубоко признана необходимость усвоенія ея народомъ, не было нужды въ школѣ. Только съ появленіемъ этихъ измѣненій въ главномъ рычагѣ народной жизни, школа стала дѣломъ необходимости и, какъ таковое, скоро послѣ своего возникновенія окрѣпла, распространилась и сдѣлалась *главнымъ* факторомъ въ дальнѣйшей исторіи еврейскаго воспитанія.

Такое значеніе школы выдвигаетъ вопросъ о ней въ этомъ періодѣ на первый планъ. Поэтому, минуя семью, попрежнему своими естественными путями и средствами рѣшающую задачи первоначальнаго воспитанія, а также и синагогу, этотъ новый религіозно-воспитательный институтъ, простирающій свое вліяніе и на дѣтей, но посредственнымъ путемъ—черезъ ту же семью, остановимъ свое вниманіе на школѣ.

Когда именно возникла школа? На этотъ вопросъ на основаніи талмудическихъ данныхъ можно дать такой отвѣтъ.

На первыхъ порахъ, по возвращеніи евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго, школы, въ смыслѣ общедоступнаго элементарнаго разсадника народнаго образованія, не было. Помимо того, что для насажденія такой школы не было необходимыхъ благопріятныхъ условій, въ ней еще не могло быть и настоящей нужды: семья сама справлялась съ несложною

еще задачей религіознаго воспитанія. Прежде чѣмъ оказалась такая нужда, должны были развиваться новыя законническіе идеалы, а это могло совершиться не раньше появленія и развитія во всей его широтѣ и силѣ новаго устнаго закона. Вотъ почему у евреевъ раньше появляется не низшая, а высшая школа, какъ институтъ, имѣвшій своею задачею изъясненіе и дополненіе древняго Моисеева закона. Прототипъ такой школы можно видѣть уже въ Великой Синагогѣ, ученая дѣятельность которой, въ лицѣ знаменитыхъ книжниковъ ея и ихъ учениковъ, къ этому именно и направлялась. Поздѣе, незадолго до Рождества Христова, когда мѣсто Великой Синагоги занялъ Великій Синедріонъ, учрежденіе съ задачами не ученаго, а административно-судебнаго характера, религіозная наука и дальнѣйшее развитіе закона сосредоточились въ занятіяхъ отдѣльныхъ знаменитыхъ книжниковъ, основавшихъ свои школы. Таковы извѣстныя школы времени Христа Спасителя—Шамаи и Гиллея, каждая съ особымъ богословскимъ направленіемъ. Такова знаменитая школа Іоханана бенъ-Саккая, основанная имъ, уже по разрушеніи Іерусалима, въ Ямніи (недалеко отъ берега Средиземнаго моря, между Іопіей и Асдодомъ) и достигшая процвѣтанія при немъ и его преемникѣ Гамалилѣ. Были высшія школы въ Улгѣ, Сенфорисѣ, Тиверіадѣ, въ Вавилонскихъ городахъ Негардѣ, Сурѣ, Пумбадитѣ и др. Носившія названія „Beth hamidrasch“—домъ науки, „Beth waad“—домъ собраній, „Be-rabanan“—домъ раввиновъ и др., эти школы преслѣдовали цѣли высшей богословской науки—разработку устнаго закона, тѣхъ многочисленныхъ преданій старцевъ, которыя должны были служить восполненіемъ писаннаго закона Моисеева и, надѣленные санкціей происхожденія божественнаго, пріобрѣли юридическое значеніе не меньшее, если еще не большее, чѣмъ самъ законъ писанный. Здѣсь, путемъ экзегезиса и диспута, не только сообщались ученикамъ, но и подвергались дальнѣйшей обработкѣ гала-

хи, гаггады и мидраши—все формы традиціоннаго раввинскаго богословія. Вотъ въ общихъ чертахъ устройство этихъ школъ и порядокъ занятій въ нихъ.

Въ аудиторіи—то большихъ, то меньшихъ размѣровъ, въ зависимости отъ количества слушателей,—на предсѣдательской каедрѣ помѣщался ученый начальникъ или глава школы—Abbethdin. Если онъ происходилъ изъ потомковъ Гиллея, то ему принадлежалъ и другой титулъ—Nassi, князь, который носили первосвященники, предсѣдательствовавшіе въ синагогѣ. Предъ каедрою Abbethdin'a полукругомъ располагались—впереди Chakhamim—„мудрые“, ближайшіе сотрудники и помощники его, за ними старшіе изъ учениковъ, уже прошедшіе курсъ школы и считавшіеся кандидатами къ посвященію въ званіе учителя или судьи, за этими собственно ученики школы и, наконецъ, отдѣленные отъ всей этой школьной семьи рѣшеткою, какъ элементъ, ей непринужденный, но допустимый, посторонніе слушатели изъ народа. Предсѣдатель открывалъ бесѣду, предлагая чрезъ особаго, стоящаго возлѣ него, Methurgeman'a вопросъ для обсужденія. Послѣдній зависѣлъ отъ его личнаго выбора, но съ теченіемъ времени установился въ этомъ отношеніи порядокъ, созданный рабби Акибой,—проходить въ извѣстный промежутокъ времени одинъ опредѣленный отдѣлъ права.

Вопросы, подвергавшіеся обсужденію, какъ и вся вообще дѣятельность этихъ школъ, носили одинъ общій характеръ: усилія ума направлялись къ тому, чтобы представить и разрѣшить возможно большее количество случайностей въ области того или другого требованія закона, положеній и обстоятельствъ, могущихъ встрѣтиться при выполненіи его на практикѣ. Въ программу такого обследованія старались ввести по возможности все, что имѣло практическое значеніе въ періодъ полной жизни Израиля, когда существовалъ и жилъ всѣми своими функціями храмъ іерусалимскій. Напр., многочисленные законы о жертвахъ, потерявшіе съ разру-

шеніемъ храма всякій практической смыслъ, продолжали жить въ представленіяхъ ученыхъ раввиновъ, давая обширныя темы для ихъ разсужденій. При этомъ большая или меньшая важность трактуемаго вопроса не принималась во вниманіе. Съ одинаковою страстностію обсуждались вопросы глубочайшаго значенія, какъ, напр., объ условіяхъ присужденія преступника къ смертной казни (въ трактатѣ *Sanhedrin*), и самыя пустыя измышленія казуистическаго характера, какъ вопросъ о яйцѣ, снесенномъ курицей въ праздничный день: можно ли его ѣсть въ тотъ самый день (трактатъ *Beza*).

Кромѣ метода акроаматическаго—усвоенія учениками того, что прослушали они въ катехизическомъ изложеніи ихъ наставника, широкое мѣсто получилъ здѣсь методъ диспутативный—уясненіе предмета путемъ ученыхъ преній. Послѣднія не всегда носили школьный характеръ; часто это были диспуты публичные, въ присутствіи многочисленнаго собранія желавшихъ послушать ученыхъ раввиновъ. Порядокъ этихъ диспутовъ во многомъ былъ аналогиченъ съ практикой синедріона.

Вопросъ могъ быть предложенъ предсѣдательствующимъ или кѣмъ-либо изъ аудиторіи; при этомъ нельзя было ставить болѣе одного вопроса за разъ. Предлагавшій вопросъ долженъ былъ напередъ заявить, изъ какой области его предметъ—теоретической или практической. Послѣдней отдавалось преимущество, и такой вопросъ ставился на очередь прежде вопросовъ чисто теоретическихъ. Принятый вопросъ подвергался предварительному обсужденію, въ которомъ участвовали ученики, при чемъ собраніе дѣлилось на нѣсколько группъ. Послѣ того какъ такимъ путемъ устанавливалось нѣсколько мнѣній по данному вопросу, предсѣдатель, указавъ свой взглядъ на предметъ, приглашалъ стороны или группы высказаться предъ всѣмъ собраніемъ. Начинались ученые пренія съ цѣлью всесторонняго обслѣдованія и вѣрнаго рѣ-

шенія поставленнаго вопроса: каждое заявленное мнѣніе должно быть аргументировано положительными данными и опровергнуто всѣ выставленныя противъ него возраженія. Въ цѣляхъ наибольшаго порядка и успѣха всего дѣла, диспутирующимъ не дозволялось уклоняться въ сторону отъ основной темы разсужденій, а также и нагромождать слишкомъ много положеній заразъ: въ каждомъ отдѣльномъ преніи ихъ не должно быть больше трехъ. Послѣ достаточнаго выясненія предмета, предсѣдательствующій прекращалъ дебаты и, отобравъ голоса (кто былъ „за“, тотъ долженъ былъ встать съ мѣста), по большинству ихъ устанавливалъ и объявлялъ рѣшеніе. Для закрытія собранія онъ давалъ знакъ Метургеману, и тотъ приглашалъ народъ оставить залу.

Изъ этихъ школъ ученики ихъ выносили вмѣстѣ съ широкимъ знаніемъ устнаго закона и умѣньемъ съ раввинскою мудростью ориентироваться во всѣхъ тонкостяхъ его, титулъ „Равви“ и права учителя и судьи. Послѣднія передавались послѣ особаго посвященія, носившаго названіе „Semicha“—руководовложеніе. Со второго вѣка это посвященіе стало обставляться торжественностью: посвященный держалъ рѣчь въ большомъ публичномъ собраніи, а его новый титулъ радостно привѣтствовался друзьями его—пѣніемъ и рѣчами ¹⁾).

Но въ эти высшія школы поступали лишь тѣ, кто имѣлъ для этого всѣ данныя—и способности и предварительную широкую подготовку, а такихъ могло найтись не много. „Изъ тысячи человѣкъ, которые ходятъ въ школу, чтобы учить Библію, только сто выходятъ съ сознаніемъ, что они кое-что приобрѣли въ ней; эти сто приступаютъ къ Мишнаѣ и изъ нихъ только десять проходятъ ее съ успѣхомъ; эти

¹⁾ См. подробности въ брошюрѣ: *Darstellung der theoretischen und praktischen Pädagogik im jüdischen Alterthume nach talmudischen Quellen* v. Dr. Julius Lewit. Berlin. 1896. S. 53—65.

приступаютъ къ Талмуду и изъ нихъ лишь одинъ кое-что пріобрѣтаетъ“¹⁾. Какъ бы скептически ни отнеслись мы къ точности этого свидѣтельства мидраша, все же мы должны принять его въ общемъ смыслѣ показателя трудности усвоенія закона въ той степени, какая была необходима для поступления въ высшую школу, т. е. давала возможность участвовать въ ученыхъ занятіяхъ здѣсь подъ руководствомъ знаменитаго раввина. Поэтому, какъ достойніе лишь немногихъ, школы эти менѣе интересны для насъ сравнительно со школами низшими, элементарными: именно эти послѣднія, являясь не только общедоступными, но и общеобязательными, необходимыми для всѣхъ евреевъ, ясно очерчиваютъ предъ нами тотъ путь, какимъ шло еврейское воспитаніе въ эту эпоху. На нихъ поэтому и остановимся подробнѣе.

Въ то время, какъ дѣятельность мужей Великой Синагоги достигаетъ уже своего расцвѣта, о школахъ для народа мы еще ничего не слышимъ. Нужды религіознаго воспитанія народа, можно думать, удовлетворяются до извѣстной степени учениками той же Великой Синагоги: расходясь изъ Іерусалима по различнымъ мѣстамъ Палестины, они берутъ на себя дѣло религіозныхъ наставниковъ тамъ, гдѣ есть молитвенные дома—синагоги. Здѣсь они выступаютъ учителями и толкователями закона. Но помимо того, что синагоги были не вездѣ, а слѣдовательно не имѣвшіе ихъ лишены были и этой доли религіознаго образованія,—даже тамъ, гдѣ онѣ были и пользовались услугами соферовъ, задача религіознаго воспитанія собственно дѣтей этимъ путемъ отнюдь не могла быть выполнена, такъ какъ синагогальное наставленіе въ законъ было доступно лишь ихъ родителямъ. Такимъ образомъ, религіозное воспитаніе дѣтей попрежнему остается дѣломъ семьи. Такъ продолжалось до тѣхъ

¹⁾ Midraš levi. r. 2. См. у Lewi'ta, op. cit. p. 49.

поръ, пока достаточно установившееся и широко распространившееся законническое направлѣніе жизни не заявило о неудовлетворительности такой постановки дѣла и не потребовало новыхъ, лучшихъ путей для религіознаго образованія.

Первое требованіе такого рода и первый отвѣтъ на него являются около 70—80 л. до Р. Хр. Именно, по инициативѣ президента Синаedrіона Симона бенъ Шетаха и благодаря его настойчивости, были основаны школы—въ Іерусалимѣ и въ большихъ областныхъ городахъ. Это и были первыя школы въ собственномъ смыслѣ въ іудейской древности. Объ устройствѣ ихъ и постановкѣ учебнаго дѣла въ нихъ мы ничего не знаемъ. Несомнѣнно одно: этихъ школъ было слишкомъ мало для того, чтобы онѣ могли удовлетворить наарѣвщую потребность образованія. Жители не только деревень, но и меньшихъ городовъ оставались внѣ ихъ вліянія. Ясно, что такое рѣшеніе вопроса не могло считаться окончательнымъ. Это былъ лишь первый толчокъ, который долженъ былъ, по естественному закону, вызвать и развить дальнѣйшее движеніе. Такъ и оказалось.

Около ста лѣтъ спустя мы находимъ уже сознательное стремленіе къ распространенію закона въ народѣ путемъ школы въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ. Такъ, первосвященникъ Іисусъ бенъ Гамала издаетъ распоряженіе (около 64 г. по Р. Хр.), чтобы школы для дѣтей были открыты во всѣхъ городахъ. Въ Талмудѣ эта краткая исторія возникновенія древне-еврейской школы такъ передается. „Поистинѣ, добромъ должно помянуть того мужа,—р. Іисусъ бенъ Гамала называется онъ; ибо не будь его, Тора могла бы быть забыта въ Израилѣ. Въ началѣ каждый, кто имѣлъ отца (въ живыхъ), отъ этого получалъ наставленіе въ законѣ, а у кого не было отца, тотъ и не учился Торѣ“... Между тѣмъ, по слову Писанія, дѣтей должно учить закону (Второз. XI, 19). „Поэтому сдѣлали распоряженіе, чтобы въ Іерусалимѣ были назначены учителя для дѣтей... Однако

этого установленія было недостаточно“, такъ какъ далеко не каждый могъ прийти въ Іерусалимъ для обученія. „Тогда сдѣлано было распоряженіе, чтобы учителя дѣтей были поставлены въ каждомъ округѣ. Сюда посылали дѣтей въ возрастѣ 16—17 лѣтъ... Въ такомъ состояніи находилось дѣло обученія до времени Іисуса бенъ Гамалы, который сдѣлалъ постановленіе, чтобы въ каждомъ округѣ и въ каждомъ городѣ были назначены учителя, къ которымъ приводили бы дѣтей 6—7 лѣтъ“ ¹⁾. Съ этого времени школа быстро завоевываетъ себѣ важное мѣсто въ жизни еврея, чему способствуютъ и политическія обстоятельства.

Съ паденіемъ Іерусалима и окончательною утратою политической самостоятельности, вся жизнь евреевъ сосредоточивается вокругъ синагоги и школы: здѣсь хранится Тора, единственная теперь святыня еврейства. Гдѣ бы ни былъ еврей, куда бы ни занесла его судьба, въ своей школѣ и въ своей синагогѣ онъ найдетъ средство устоять въ борьбѣ за національное существованіе и какъ бы создать себѣ новую родину: усвояя то, чѣмъ продолжаетъ жить еврейство, что составляетъ основной нервъ души его, онъ будетъ всегда чувствовать и сознавать себя членомъ своего народа, частью цѣлаго національнаго организма. Такое значеніе школы было слишкомъ ясно для того, чтобы насажденіе и развитіе ея стало вопросомъ первой важности для раввиновъ, предметомъ ихъ особыхъ заботъ и стараній. Всѣ силы своего изворотливаго ума они направляютъ къ тому, чтобы побудить народъ къ неуклонной заботѣ о школьномъ обученіи дѣтей, подчеркивая важность этого дѣла.

„Міръ стоитъ дыханіемъ дѣтей въ школѣ“, говоритъ Решъ Лакишъ ²⁾. „Самъ Святый“ (Іегова) въ извѣстные часы

¹⁾ Baba Batra Fol. 21 a. См. *Der Babylonische Talmud in seinen Haggadischen Bestandtheilen übers. und erl. von Lic. Dr. Aug. Wünsche. Halbb. II, Abth. 2, S. 155.*

²⁾ Онъ же прибавляетъ далѣе отъ имени р. Іуды га-Наси: „нельзя отгнать дѣтей школьникъ (отъ обученія) даже ради построенія храма“. Sabbath

дня (именно въ послѣдніе три часа) „сидитъ и учитъ школьныхъ дѣтей Торѣ“, читаемъ въ другомъ трактатѣ Талмуд¹⁾. Гнѣвъ Божій и разрушеніе Іерусалима, по мнѣнію одного раввина, были слѣдствіемъ небрежнаго отношенія евреевъ къ школѣ²⁾. Источникъ силы Израиля, тайна несокрушенности его—въ школьномъ обученіи дѣтей его закону. „Пока голосъ Іакова раздается въ школахъ, руки Исава ничего не могутъ сдѣлать ему“³⁾. По словамъ раввиновъ, въ разрушеніи еврейскихъ школъ и языческіе мыслители указывали своимъ современникамъ вѣрнѣйшее средство ослабить и стереть еврейскую національность. Легендарныхъ разсказовъ на эту тему, въ которыхъ завита одна и та же тенденція—выясненіе важнаго значенія школы, не мало можно пайти въ талмудической литературѣ.

Естественно, что постановленіе Іисуса бенъ Гамалы относительно устройства школъ по всѣмъ городамъ въ послѣдующее время не только поддерживается, но еще усиливается. Въ городѣ, въ которомъ нѣтъ ни одной дѣтской школы, не дозволяется жить еврею⁴⁾. Мало того: городъ, не имѣющій школы, считается достойнымъ разрушенія⁵⁾. И вотъ, школа распространяется все болѣе. Несомнѣнно, что тѣ классическія талмудическія свидѣтельства, на которыя обыкновенно ссылаются въ доказательство широкаго развитія школь-

Fol. 119 b. См. Der Babylonische Talmud v. Lazarus Goldschmidt. B. I, S. 609. Сравни. Wünsche, Halbb. I, S. 165.

1) Aboda Sara Fol. 3 b. Wünsche, Halbb. II, Abth. 3, S. 306.

2) „Р. Гамлуна сказали: Іерусалимъ только потому былъ разрушенъ, что дѣти (школьники) уклонились отъ посѣщенія школы“. Sabbath Fol. 119 b. Goldschmidt, B. I, S. 609.

3) Midrasch Bereschit rabba. Parasch. LXV, Cap. XXVII, 28. См. Wünsche, Bibliotheca Rabbinica. Leipz. 1880, S. 316.

4) Sanhedrin Fol. 17 b. Wünsche, Halbb. II, Abth. 3, S. 22.

5) „Я слышалъ отъ моихъ отцовъ, говорить Решъ Лакишъ отъ имени Іуды га-Нася: всякій городъ, въ которомъ нѣтъ ни одной школы, подлежитъ разрушенію“. Sabbath Fol. 119 b. Goldschmidt, B. I, S. 609.

наго дѣла у евреевъ уже вскорѣ послѣ разрушенія Іерусалима, посятъ характеръ легендарный, преувеличенный; тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать ихъ совершенно. Разумѣемъ замѣчаніе р. Іуды Самуила, что въ домѣ его отца обучались *тысяча* дѣтей ¹⁾, и что въ городѣ Бетарѣ, приобрѣвшемъ историческую извѣстность, благодаря возмущенію Баръ-Кохебы, при вѣятіи и разрушеніи его (135 г. по Р. Хр.) было 400 школъ, въ каждой школѣ—400 учителей и у каждаго учителя—400 учениковъ ²⁾, т. е. иначе говоря, здѣсь при 64 милліонахъ учениковъ было 160 тысячъ учителей! Легендарность разсказа въ такомъ видѣ очевидна, но существованіе вообще многихъ школъ въ Бетарѣ въ это время, на основаніи этого же разсказа, не должно подлежать сомнѣнію. Позднѣе, въ третьемъ вѣкѣ, рабби Хійя разсказываетъ о себѣ, какъ онъ трудился на пользу школьнаго дѣла тамъ, гдѣ не находилъ школъ ³⁾. Выводъ отсюда можетъ быть такой: школы еще не были распространены повсемѣстно, но къ этому принимались мѣры, которыя должны были приводить къ желательнымъ результатамъ. Еще позднѣе, въ четвертомъ вѣкѣ, образовался особый институтъ инспекціи или ревизіи школъ ⁴⁾.

¹⁾ Baba Kamia Fol. 83 a. Wünsche, Halbb. II. Abth. 2, S. 29.

²⁾ Gittin Fol. 58 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 168.

³⁾ И въ этомъ свидѣтельствѣ Талмуда доля истины завита въ обычную широко легендарную форму. „И сказалъ р. Хійя: я содѣйствовалъ тому, чтобы Тора не пришла въ забвеніе у Ізраиля; ибо я принесъ льяное сѣмя, посѣялъ его, сдѣлалъ (изъ выросшаго льна) сѣти, поймалъ ими оленей, мясо ихъ отдалъ въ пищу мудрымъ, а изъ кожи оленей сдѣлалъ пергаментъ, и когда пришелъ я въ городъ, гдѣ не было ни одного учителя Бибаи, я обучилъ 5 дѣтей пяти свиткамъ Пятикнижія (одного—одной книгѣ), а затѣмъ 6 дѣтей—шести трактатамъ Мишны (по одному на ученика); каждому ученику потомъ я сказалъ: разучи твой отдѣлъ съ твоими товарищами“.—Kethuboth Fol. 103 b. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 64.

⁴⁾ См. у Lewit'a, op. cit., p. 40.

О внѣшней организаціи этихъ школъ можно сказать не много.

Основывались и содержались онѣ на общественныя средства. Если послѣднихъ было достаточно, выстраивалось особое зданіе для школы, носившее въ такомъ случаѣ названіе „Beth hasefer“—домъ Писанія, указывавшее на главный предметъ занятій въ такой элементарной школѣ—изученіе Библии. Если община была бѣдна, можно было пользоваться для школы зданіемъ синагоги¹⁾. Есть свидѣтельства объ обученіи дѣтей и подъ открытымъ небомъ, даже въ подѣ, что въ гигиеническомъ отношеніи, можетъ быть, признавалось даже болѣе удобнымъ сравнительно съ тѣсною школьною комнатою²⁾.

При 25 мальчикахъ, требовавшихъ обученія, общество должно было устроить школу съ однимъ учителемъ. Если количество учениковъ возрастало до 40, учитель имѣлъ право взять себѣ помощника. Обыкновенно таковымъ являлся лучший ученикъ школы, разъяснявшій уроки учителя слабѣйшимъ изъ своихъ товарищей и тѣмъ облегчавшій трудъ учителя. При дальнѣйшемъ расширеніи школы, при наличности 50 учениковъ въ ней, требовались уже два учителя³⁾. Въ малыхъ и бѣдныхъ общинахъ, гдѣ школа пользовалась зданіемъ синагоги, обязанности учителя могъ исполнять Ghasan—чтець синагогальныхъ молитвъ⁴⁾.

Школьное обученіе начиналось въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. По „Изреченіямъ отцовъ“, таковымъ долженъ былъ служить уже возрастъ пятилѣтній: „сынъ пяти лѣтъ—для Библии,

1) Berachot Fol. 17 a. Goldschmidt, B. I, S. 62. Wünsche, Halbb. I, S. 39.

2) См., напр., въ трактатѣ Sabbath Fol. 127 а рассказъ о случаѣ съ р. Хилл. Goldschmidt, B. I, S. 609.

3) Baba Batra Fol. 21 а. См. Lewit, Darstellung d. theor. u. prakt. Päd. im jud. Alt., S. 41.

4) Thaanih Fol. 24 а. Wünsche, Halbb. I, S. 463.

Труды Киевск. дух. Акад. Т. III. 1903 г.

сынъ десяти лѣтъ—для Мишны,... сынъ пятнадцати лѣтъ—для Талмуда“, говоритъ р. Иуда бенъ Тема¹⁾. Но въ интересахъ правильнаго физическаго развитія ребенка, рекомендовалось подождать съ началомъ обученія до шести лѣтъ. Въ третьемъ вѣкѣ этотъ возрастъ шести лѣтъ знаменитый раввинъ Рабъ устанавливаетъ какъ норму²⁾.

Продолжительность ежедневныхъ занятій въ школахъ сначала не была точно опредѣлена. Повидимому, старались слѣдовать въ этомъ отношеніи словамъ Писанія: „поучайся въ ней (книгѣ закона) день и ночь“ (Ис. Нав. I, 8), т. е. начинали занятія утромъ, а оканчивали уже ночью. Но сколько времени отводилось именно для занятій въ теченіе дня и сколько для отдыха, мы не знаемъ; между тѣмъ, конечно, никакъ нельзя допустить, чтобы работа шла въ школѣ цѣлый день, безъ перерывовъ. Позднѣе, въ IV вѣкѣ на этотъ вопросъ обращается серьезное вниманіе; именно—Рабба требуетъ точнаго указанія времени для школьнаго обученія Торѣ, т. е. когда ученики должны приходить въ школу и когда возвращаться домой³⁾. Для ежедневныхъ занятій въ школѣ назначается пять часовъ: часть этого времени—можетъ быть, бѣльшая—должна приходиться на утро, другая—на поздній вечеръ. Въ лѣтнюю жару, именно между 17 Тамуза и 9 Аба, т. е. приблизительно въ нашемъ іюлѣ мѣсяцѣ, для школьныхъ занятій назначались только четыре часа. Каникулъ, въ нашемъ смыслѣ, не было. Свободными отъ занятій были канунъ субботы, т. е. вечеръ пятницы, и канунъ праздниковъ⁴⁾.

¹⁾ Pirke Aboth V, 21. См. Мишну въ изд. Суренгузія: Surenhusius, par. IV, p. 482.

²⁾ Baba Batra Fol. 21 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. 2, S. 155.

³⁾ Erubin Fol. 54 b. Goldschmidt, B. II, S. 182.

⁴⁾ Pesachim Fol. 7 b. Nedarim Fol. 37 b. См. у Lewi'a, цит. соч. стр.

Слѣдить за правильнымъ посѣщеніемъ школы дѣтьми, а также за тщательнымъ приготовленіемъ ими школьных уроковъ дома лежало на обязанности родителей, и они должны были съ полнымъ вниманіемъ относиться къ ней. Такъ Талмудъ, конечно—въ назидательныхъ цѣляхъ, говоритъ объ одномъ раввинѣ, что онъ каждый день утромъ до завтрака самъ повторялъ съ сыномъ выученное этимъ вчера и прибавлялъ одинъ стихъ дальше, а о другомъ, что онъ никогда не садился за завтракъ прежде, чѣмъ отвѣсть своего сына въ школу ¹⁾. Вообще, родители обыкновенно сами отводили дѣтей въ школу и, иллюстрируя важность этой обязанности ихъ, Талмудъ приводитъ такой примѣръ. Р. Хійя баръ Абба повстрѣчалъ на улицѣ р. Иисуса бенъ Леви, который своимъ видомъ привлекъ его вниманіе: повязка на его головѣ была сдѣлана небрежно, а самъ онъ то-ропился, ведя своего сына въ школу. „Почему ты такъ спѣшишь?“ спросилъ р. Хійя. „А развѣ мало значить, отвѣтилъ р. Иисусъ, что сказано въ Писаніи: „ты долженъ научить имъ (постановленіямъ левоы) сыновей твоихъ“ (Второз. IV, 9) ²⁾.

Въ школѣ ученики располагались полукругомъ, нѣсколькими рядами, на землѣ или на скамейкахъ, лицомъ къ учителю, который занималъ мѣсто на возвышеніи въ центрѣ этого полукруга. Такое положеніе учителя и учениковъ должно было отвѣчать словамъ пророка: „глаза твои будутъ видѣть учителей твоихъ“ (Исаіи XXX, 20). Впрочемъ, по талмудическому преданію, обычай ученикамъ сидѣть устанавливается только со времени Раббана Гамалиіла; до него же Тора изучалась стоя ³⁾. Когда входилъ учитель, ученики

¹⁾ Kidduschin Fol. 30 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 83—89.

²⁾ Ibid. S. 88.

³⁾ „Раввины учатъ: отъ дней Моисея до раббана Гамалиіла изучали Тору только стоя; послѣ-же смерти раббана Гамалиіла прашла въ міръ болѣзнь, и

вставали и садились лишь послѣ того, какъ учитель знакомъ приглашалъ ихъ къ этому ¹⁾).

Чему и какъ учили въ древне-еврейской школѣ?

Повидимому, школа имѣла три отдѣленія: въ низшемъ изучалась Библия, во второмъ—Мишна, въ третьемъ—Гемара. Такъ можно думать на основаніи приведенныхъ уже выше словъ Іуды бенъ Тема объ изученіи съ пяти лѣтъ Библии, съ десяти—Мишны, съ пятнадцати—Гемары ²⁾. Но, конечно, не вездѣ могли найтись средства для такой полной трехсоставной школы; въ малыхъ и бѣдныхъ общинахъ должны были довольствоваться однимъ низшимъ отдѣленіемъ ея, и только въ большихъ центрахъ еврейства школа развивалась въ своемъ полномъ объемѣ. Такъ, въ Іерусалимѣ, гдѣ съ каждой синагогой была соединена и школа, послѣдняя состояла изъ двухъ классовъ—„Beth Sefer“ и „Beth Talmud“, причемъ второй, въ свою очередь, имѣлъ два отдѣленія—Мишны и Гемары.

Не только основой, главнымъ существеннымъ элементомъ всей школьной учебной программы, но, можно сказать, альфой и омегой ея была Библия. Въ ней хранится Тора писанная; изъ нея выводится и къ ней возвращается, ею проверяется и Тора устная. Поэтому Библия встрѣчала ученика уже на порогѣ низшаго, элементарнаго отдѣленія школы; ее штудировалъ онъ здѣсь тщательнѣйшимъ образомъ все время своего обученія; къ ней обращался затѣмъ постоянно и въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ школы, когда занимался уже изуче-

стали учить Тору сидя. Это и есть то, что сказано (Sota Fol 49 a: по смерти раббана Гамалиила исчезло величіе Торы.—Megilla Fol. 21 a. Wünsche, Halbb. I, S. 535.

¹⁾ Этого требовали общія правила уваженія къ старшимъ и, въ частности, къ людямъ науки, наставникамъ, хотя бы они и не были стары. Kidduschin Fol. 326. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 99—100.

²⁾ Pirke Aboth V, 21. Surenhusius, IV, 482. Сюда же относятся и Kidduschin Fol 30 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 89.

ніемъ Талмуда. Но прежде чѣмъ приступить къ чтенію Библіи, необходимо было, конечно, научиться сначала читать, а для этого еще прежде --изучить алфавитъ, и вотъ съ этого и начинали.

Показавъ на большой классной доскѣ начертаніе буквы и назвавъ ее, учитель, съ цѣлю облегченія ученикамъ скорѣйшаго запоминанія ея, разлагалъ ее на составные элементы и разъяснялъ отношеніе между ними. При этомъ къ формѣ буквы, или ея звуку, или порядку ея въ алфавитѣ старались подогнать какую-нибудь моральную сентенцію, которая и облегчала бы усвоеніе буквы и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовала бы на ученика воспитательно. И надо отдать справедливость талмудической педагогикѣ, изобрѣтательность ея въ этомъ случаѣ отличается немалымъ остроуміемъ. Напр., показавъ и назвавъ двѣ первыя буквы—א „Aleph“ и ב „Beth“, учитель держитъ къ ученикамъ, приблизительно, такую рѣчь. „Почему, спрашиваетъ онъ, за „Aleph“, которое обозначаетъ „учиться“, слѣдуетъ „Beth“? и даетъ такой отвѣтъ: „потому, что это названіе буквы происходитъ отъ „binah“, что обозначаетъ разумъ, мудрость“. Отсюда вытекаетъ наставленіе дѣтямъ: „поучайся мудрости, т. священному Писанію“. По такому-же приему, двѣ слѣдующія буквы—ג „Gimel“ и ד „Daleth“ толкуются въ смыслѣ „gemol dalim“: благотвори бѣднымъ. Но здѣсь желательно и есть возможность развить это наставленіе подробнѣе, приспособляясь къ начертанію буквъ и тѣмъ способствуя легкому запоминанію его учениками. Такъ, у ך ножка направлена въ сторону ך (которое въ еврейскомъ алфавитѣ стоитъ на лѣвой сторонѣ отъ ך). Почему это такъ? Это показываетъ, что благотворитель долженъ бѣжать къ нуждающемуся въ его помощи. Напротивъ, головка ך какъ бы отвернулась отъ ך. И это значитъ, что бѣднякъ обыкновенно стыдится открыто принимать милостыню. Поэтому благотворителю рекомендуется подавать ее тайно. Есть два знака для

буквы „Mem“— 𐤌 открытое и 𐤍 закрытое; въ параллель этому дѣлается сообщеніе, что есть два ученія—открытое и тайное. Подобнымъ образомъ, знакомя ученика съ двумя начертаніями буквы „Nun“—согнутымъ 𐤎 и прямымъ 𐤏 , преподають наставленіе о различіи между людьми стойкими, твердыми въ вѣрѣ и колеблющимися въ ней, какъ бы сгибающимися, и т. д.¹⁾ Каждую букву алфавита, показанную и объясненную учителемъ на классной доскѣ, ученики, вѣроятно, тогда-же перерисовывали на своихъ дощечкахъ при помощи грифеля, въ родѣ римскаго стиля²⁾. Изучивъ всѣ буквы алфавита въ обыкновенномъ порядкѣ отъ первой до послѣдней, для лучшаго твердаго усвоенія ихъ, тотъ же алфавитъ проходили въ какой-нибудь другой комбинаціи, каковыхъ было нѣсколько. Напр., наиболѣе употребительнымъ было соединеніе первой буквы съ послѣднею, второй съ предпослѣднею и т. д. Но тѣ же буквы алфавита имѣли и числовое значеніе. Поэтому можно было теперь-же, изучивъ алфавитъ по названію и начертанію буквъ, познакомить учениковъ и съ³⁾этимъ значеніемъ ихъ, т. е. элементы чтенія изучать параллельно съ элементами счета. Но такъ ли это и было, или же обученіе счисленію откладывали на дальнѣйшее время, точныхъ указаній не имѣемъ.

За твердымъ усвоеніемъ алфавита слѣдовало чтеніе, при чемъ первою книгою для чтенія была, конечно, Библія. При отсутствіи книгъ и дороговизнѣ полныхъ списковъ Библии, для первоначальнаго чтенія удобнѣе было имѣть лишь выдержки

¹⁾ Sabbath Fol. 104 a. Goldschmidt, B. I, S. 562—563.

²⁾ Объ обученіи письму въ древне-еврейской школѣ говорятъ неоднократно замѣчанія объ этомъ въ Талмудѣ. Интересна легенда о многочисленныхъ школьникахъ Ветары, которые при возстаніи Баръ-Кохебы, „когда непріятель вошелъ (въ городъ), начали колоть его своими стилями, а когда онъ побѣдилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ, завернули эти стили въ свои свитки и сожгли ихъ огнемъ“. Gittin Fol. 58 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 168—169. Сравни. Jer. Taanith IV, 5. См. Le Talmud de Jérusalem par M. Schwab. T. VI, p. 190.

изъ нея, сгруппированныя въ извѣстномъ порядкѣ и переписанныя на спеціально для этого предназначенныхъ свиткахъ. Такіе свитки готовились въ школѣ-же—подъ руководствомъ и контролемъ учителя, старшими учениками. Начинались они не съ книги Бытія, а первыми восемью главами книги Левитъ. Здѣсь содержится трактатъ о жертвахъ и священствѣ. Основаніемъ для такого выбора матерьяла перваго чтенія могло служить то, что здѣсь ученикъ прямо и сразу вступалъ въ самый центръ закона Раввинская утонченная мудрость находила объясненіе этому и въ чистотѣ дѣтской души, отвѣчающей чистотѣ этихъ знаній¹⁾. Пройдя этотъ трактатъ, ученики знакомились съ исторіей міра и человѣка до потопа по книгѣ Бытія, для чего прочитывали первыя шесть главъ ея. За этимъ слѣдовали—Второзак. VI, 4—9, Псалмы CXIII—CXVIII и др. Только прочитавъ и изучивъ всѣ бывшіе въ школьномъ употребленіи свитки, приступали къ полной Библии: начинали съ Пятикнижія, затѣмъ переходили къ пророкамъ и заканчивали агиографами²⁾.

Чтеніе непунктированного текста представляло трудности, преодолѣть которыя можно было только прилежаніемъ и временемъ. Понятно поэтому, что чтеніе библейскаго текста въ еврейской школѣ подвигалось впередъ медленно. Трудность еще увеличивалась отъ того, что древне-еврейскій библейскій языкъ теперь уже устарѣлъ настолько, что былъ непонятенъ и требовалъ перевода текста Библии на ходячій разговорный языкъ. Оставлялись безъ перевода лишь нѣкоторыя мѣста,

¹⁾ „Рабби Аси говорилъ: почему начинаютъ изученіе Писанія съ дѣтьми съ книги Левитъ, а не съ „Берешитъ“ (первой книги Моисея)? потому что дѣти чисты и жертвы чисты, такъ пусть же чистые приходятъ и занимаются чистымъ“. Midrasch Waikra Rabba, parasc. VII, cap. VI, 9. Wünsche, Bibliotheca Rabbinica, S. 49.

²⁾ Midrasch Debarim Rabba, parasc. VIII, cap. XXX, 11. Wünsche, Bibliotheca Rabbinica, S. 94.

въ которыхъ переводъ, не давая точнаго смысла оригинала, могъ породить ложныя представленія о Богѣ. Такія мѣста заучивались наизусть. Такимъ образомъ на Библии постепенно ученики изучали и древне-еврейскій языкъ, а знаніе его имѣло громадное значеніе. Этотъ языкъ представлялъ естественное связующее звено для всего еврейскаго народа, на протяженіи всей его исторической жизни. Онъ соединялъ еврея талмудической эпохи съ единоплеменнымъ ему народомъ періода патріархальнаго. Знаніе этого языка давало возможность проникать въ самую глубь своего далекаго прошлаго и бесѣдовать съ величавыми старцами Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ. Въ языкѣ библейскомъ самомъ по себѣ заключался могучій родникъ силъ для поддержанія стойкой національной жизни еврейства. Онъ же, понятно, служилъ къ лучшему постиженію и усвоенію учениками и всей родной исторіи ихъ, знаніе которой пріобрѣталось опять-же изъ Библии. Въ связи съ исторіей стоятъ и законъ со всѣми его постановленіямъ, записанными въ Библии. На Библии могли знакомиться и съ географіей. Но насколько и въ какомъ объемѣ пріобрѣтались всѣ эти знанія въ элементарной библейской школѣ, мы не знаемъ, да и вообще программа ея не можетъ быть воспроизведена въ точности. Одно несомнѣнно: текстъ библии прочитывался здѣсь съ возможною старательностію, причемъ главное вниманіе посвящалось закону: заповѣди и постановленія Іеговы, особенно нравственно-практическаго характера, усвоились съ буквальною точностію.

За этимъ первымъ элементарнымъ курсомъ библейской школы, какъ уже сказано, слѣдовалъ курсъ талмудическій, по крайней мѣрѣ такъ было въ большихъ городахъ, раньше открывшихъ у себя школы и располагавшихъ всѣми средствами къ наилучшей постановкѣ ихъ. Здѣсь, если вѣрить раввинамъ, уже съ 10 лѣтъ ученикъ начиналъ учить Мишну, чему посвящалось пять лѣтъ. Задачею было выучить положенія Мишны наизусть, не читая ихъ, а со словъ учителя.

Последній сообщалъ ихъ одно за другимъ въ извѣстномъ, представлявшемся ему наиболѣе цѣлесообразнымъ, порядкѣ, весь же классъ параспѣвъ¹⁾ повторялъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока данное правило не было заучено на память каждымъ ученикомъ. Никакихъ объясненій при этомъ не давалось: въ мотивировку юридическихъ положеній Мишны учениковъ еще не вводили. Легко понять, какое бремя возлагалось такимъ методомъ на память учащихся, которая одна, безъ всякаго посредства книги, должна была хранить такую массу рубрикъ традиціоннаго еврейскаго закона. Нужны были многочисленныя повторенія одного и того же и какія-нибудь искусственныя облегчающія средства для того, чтобы достигать такимъ путемъ желательныхъ результатовъ. Съ 15 и приблизительно до 18 лѣтъ проходилъ второй отдѣлъ талмудическаго курса, посвящавшійся Гемарѣ. Тенерь положенія Мишны подвергались толкованію; ученики знакомились съ приемами талмудическихъ разсужденій и доказательствъ.

Подобно тому, какъ въ низшей библейской школѣ на Библии, въ этой талмудической школѣ на Талмудѣ и параллельно съ нимъ приобрѣтались учениками различныя знанія, стоявшія въ связи съ изучаемыми положеніями Торы и безъ которыхъ пониманіе послѣднихъ было невозможно. Таковыми были свѣдѣнія по астрономіи и математикѣ, безъ которыхъ нельзя было понимать іудейскаго календаря и которые встрѣчались въ обиліи въ трактатахъ Sabbath и Rosch-Haschana. свѣдѣнія изъ области ботаники и зоологіи, связанныя частью съ потребностями культа и содержащіяся во многихъ талмудическихъ трактатахъ,—изъ области медицины, анатоміи и др. наукъ. Но всѣ эти предметы не имѣли здѣсь ни самостоятельнаго значенія, ни систематическаго преподаванія. Знакомство съ ними носило эпизодическій характеръ, будучи тѣсно связано съ изученіемъ Талмуда.

¹⁾ Megilla Fol. 32 a. Wünsche, Halbb. I, S. 547.

Но въ программѣ еврейской школы, въ такой болѣе широкой постановкѣ ея, постепенно заняли мѣсто и другіе предметы, вызывавшіеся нуждами времени и вліяніемъ другихъ культурныхъ народовъ. Такъ, при все болѣе расширявшемся значеніи эллинизма, еврейская школа не могла не обратить вниманія на греческій языкъ, какъ предметъ не только полезный, но иногда и прямо уже необходимый для еврея. Практическое и научное значеніе этого языка побуждало раввиновъ, строгихъ блюстителей національной чистоты еврейства отъ всякихъ вліяній языческаго міра, дать мѣсто ему въ своихъ школахъ. Такъ же проникъ сюда затѣмъ и языкъ латинскій. Въ талмудической литературѣ можно встрѣтить не мало выраженій, взятыхъ изъ этихъ двухъ языковъ. Но особеннымъ вниманіемъ пользовался языкъ греческій—за свою мелодичность и точность выраженій. Въ домѣ Раббана Гамалиила, по талмудическому свидѣтельству, пятьсотъ учениковъ обучались греческому языку¹⁾. Подъ эстетическимъ вліяніемъ греческой культуры въ еврейской школѣ, полагаютъ, достигли развитія пѣніе и музыка,—хотя этотъ элементъ, должно сказать, всегда былъ присущъ еврейской націи; проникли сюда даже гимнастика и плаваніе²⁾. Впрочемъ, точными и болѣе обстоятельными свѣдѣніями объ этомъ, къ сожалѣнію, мы не располагаемъ.

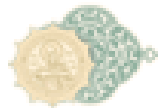
Перейдемъ теперь къ методикѣ древне-еврейской школы. Подробныхъ указаній и въ этой области мы не находимъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черты имѣются, и онѣ представляются характерными и интересными.

Уже изъ того, какъ рано начиналось школьное обученіе и что служило матерьяломъ для перваго чтенія, можно дѣлать нѣкоторыя заключенія, именно: вопросъ о полной до-

¹⁾ Baba Kamma Fol. 83 a. Wunsche, Halbb. II, Abth. II, S. 29. Сравни. Jer. Megilla I, 9. Schwab. T. VI p. 212.

²⁾ Kidduschin Fol. 29 a. Wunsche, Halbb. II, Abth. I, S. 87.

стунности изучаемаго дѣтскому пониманію въ этой педагогикѣ еще не получилъ своего надлежащаго значенія. Здѣсь господствовалъ принципъ: „сначала учить, потомъ понимать“. „Пусть человекъ сначала учить, а потомъ объясняетъ“¹⁾, рекомендуютъ древне-еврейскіе авторитеты. Отсюда, вполнѣ естественно, центръ обученія въ этой школѣ лежалъ въ прилежаніи учащихся. Ему придавалось первое значеніе; оно считалось важнѣе дарованій, такъ какъ, по талмудической педагогикѣ, прилежаніе можетъ все препобѣдить, даже недостатокъ дарованій. „Если-бы кто-нибудь сказалъ тебѣ: я приложилъ стараніе и не достигъ ничего, не вѣрь ему“, гласитъ раввинская мудрость²⁾. Съ другой стороны, безъ прилежанія овладѣть знаніями, преподававшимися въ этой школѣ, никакъ нельзя. Поэтому прилежаніе требовалось отъ каждаго ученика прежде всего. „Будь прилеженъ въ занятіяхъ закономъ“, очень часто наставляютъ „Изреченія отцовъ“: „приложи стараніе къ изученію закона, такъ какъ знаніе его не достается по наслѣдству“³⁾.

Тѣмъ не менѣе, различіе индивидуальныхъ особенностей и дарованій въ ученикахъ признаетъ и талмудическая педагогика; только различіе это указывается ею почти исключительно въ области одной способности—памяти, какъ наибо-

1) Sabbath. Fol. 63 а. Goldschmidt, B. I, S. 465.

2) „И если бы онъ сказалъ тебѣ: я не трудился и напелъ, также не вѣрь ему; если же онъ скажетъ тебѣ: я приложилъ стараніе и напелъ, то вѣрь ему. И это справедливо въ томъ случаѣ, если дѣло касается словъ закона (изученія Торы)“... Megilla Fol. 6 b. Wünsche, Halbb I, S. 492.

3) Pirke Aboth. II, 12. Surenhusius, pars IV, pag 432. Сравни. II, 14—16: „Р. Елеазаръ сказалъ: приложи стараніе къ изученію закона, чтобы ты имѣлъ что отвѣтить эллиурейцу. И знай, предъ кѣмъ ты трудишься, это господинъ труда твоего, который воздастъ награду за дѣло твое. Р. Тарфонъ сказалъ: день коротокъ, дѣла же много, работники лѣнны, награда велика и домохозяинъ настойчивъ... Если ты много изучалъ законъ, то много и награды получишь. Ибо вѣрнецъ Господинъ труда твоего, который воздастъ тебѣ за трудъ твой“... Surenhusius, pars. IV, pag. 433---434.

лѣе важной, усилями которой только и можно было одолѣть столь обширный и мало понятный, особенно въ первые годы, учебный матерьялъ. По силѣ и особенностямъ памяти Талмудъ дѣлитъ учениковъ на четыре категоріи. „Есть четыре вида учениковъ. Иной быстро воспринимаетъ, хотя бы и не все понимая, но такъ же быстро и забываетъ: здѣсь прибыль уничтожается потерей. Другой съ трудомъ схватываетъ, но съ трудомъ (что выучилъ) и теряетъ: что потеряно въ одномъ, вознаграждается въ другомъ. Иной быстро воспринимаетъ и нелегко теряетъ: мудръ такой (ученикъ), и доля его счастливая. Кто же медлененъ на усвоеніе и быстръ на забвеніе, доля такого несчастная“¹⁾. Еще рельефнѣе выступаютъ раввины это различіе природныхъ дарованій учениковъ, когда на своемъ образномъ языкѣ стараются уяснить его путемъ сравненій. „Четырехъ видовъ бываютъ тѣ, которые сидятъ предъ мудрыми (чтобы слушать ихъ), именно — съ свойствами губки, воронки, цѣдилки и вѣялки (рѣпета). Губка всасываніемъ впитываетъ все. Воронка, что набираетъ одною стороною, то выливаетъ изъ другой. Цѣдилка выпускаетъ вино и удерживаетъ гущу. Вѣялка выбрасываетъ грубую муку и собираетъ самую лучшую“²⁾. Указываемое здѣсь различіе, какъ видимъ, касается уже не одной только памяти, способности простого сохраненія усвоеннаго, но и разсудка, производящаго критическую оцѣнку всему, что можетъ подлежать усвоенію, руководящаго дѣятельностью памяти. Лучшій изъ указанныхъ типовъ—четвертый въ такомъ именно смыслѣ и характеризуется здѣсь³⁾.

Сообщая учащимся сразу уже въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ матерьялъ, по самому содержанію своему весьма труд-

¹⁾ Pirke Aboth, V, 12. Surenhusius pars. IV, pag 475

²⁾ Pirke Aboth, V, 15. Surenhusius, pars. IV, p 477.

³⁾ См. объясненіе этого мѣста у авторитетнѣйшихъ изъ толкователей Мишны-Баргеныри и Маймониды. Ibid. p. 477—478.

ный для усвоения, древне-еврейская школа должна была рассчитывать исключительно на силы памяти у своихъ учениковъ. Но между послѣдними, конечно, далеко не часто можно было встрѣтить идеальныя „вѣялки“ или хотя бы „губки“: къ сожалѣнію, многія дѣтскія головы, подобно воронкамъ, слишкомъ легко и быстро освобождаются отъ влагаемаго въ нихъ наставниками. Поэтому, чтобы помочь бѣдѣ, по необходимости приходится прибѣгать къ различнымъ средствамъ, способствующимъ закрѣпленію учебнаго матерьяла въ памяти. Однимъ изъ таковыхъ, наиболѣе примитивнымъ, является многократное повтореніе. Его прекрасно знали древніе римляне, у которыхъ „repetitio est mater studiorum“ стало поговоркой; не менѣе извѣстно было оно и у другихъ народовъ древняго міра. Талмудическая педагогика рекомендуетъ это средство особенно настойчиво. „Кто учитъ законъ и не повторяетъ его, тотъ подобенъ человѣку, который сѣетъ и не пожинаетъ“, говоритъ р. Иисусъ бенъ Корха¹⁾. Интересуясь частнѣйшимъ вопросомъ—о томъ, сколько именно разъ нужно повторять урокъ закона ученикамъ, раввины даютъ на него такіе отвѣты. На основаніи фантастическаго разсказа о томъ, какъ Мишна получила происхожденіе отъ самого Бога, при чемъ Моисею пришлось излагать ученіе ея четыре раза—для Аарона, сыновей его, старѣйшинъ и народа, и каждый изъ нихъ выслушалъ это ученіе также четыре раза,—на основаніи этого „преданія“ р. Елеазаръ бенъ Азарія дѣлаетъ заключеніе, что и учитель обязанъ повторять урокъ Торы ученикамъ именно четыре раза²⁾. Но такое рѣшеніе вопроса

¹⁾ Sanhedrin Fol 99 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. 3, S. 208

²⁾ Вотъ этотъ разсказъ. „Въ какомъ порядкѣ было предано ученіе“? спрашиваютъ раввины и отвѣчаютъ: „Моисей научился изъ устъ Всемогущаго; (потомъ) пришелъ Ааронъ, и Моисей передалъ ему ученіе; когда Ааронъ отошелъ и сѣлъ по лѣвую сторону Моисея, явились сыновья его, и Моисей изложилъ имъ ученіе, послѣ чего они отошли и сѣли—Елеазаръ направо отъ Моисея, а Исаиаръ—налѣво отъ Аарона... Затѣмъ пришли старѣйшины, и Моисей

относительно не было категорическимъ. Напротивъ, скорѣе можно понимать его, повидимому, въ такомъ смыслѣ: чѣмъ больше повторять, тѣмъ лучше. Такъ р. Акиба, по поводу того же преданія о происхожденіи Мишны, вслѣдъ за р. Азаріей высказываетъ такое положеніе, что повторять нужно до тѣхъ поръ, пока ученикъ не усвоитъ предмета, а о р. Перидѣ разсказывается, что онъ имѣлъ ученика, которому обыкновенно повторялъ урокъ 400 разъ, а однажды, когда и постѣ этого ученикъ не зналъ урока, онъ повторилъ ему еще 400 разъ ¹⁾).

Для того, чтобы облегчить трудный процессъ ученія и, прежде всего, расположить къ нему учениковъ, практиковался, по крайней мѣрѣ у лучшихъ учителей, такой пріемъ: урокъ начинался какимъ-нибудь забавнымъ разсказомъ учителя, вызывавшимъ смѣхъ и веселье среди учениковъ, и лишь послѣ того, какъ такимъ средствомъ было возбуждено ихъ вниманіе и желательное доброе настроеніе, учитель отъ шутки постепенно переходилъ къ обычному серьезному занятію. Такъ, напр., велось дѣло у знаменитаго Рабба ²⁾).

Какъ средство, помогающее скорѣйшему запоминанію и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантирующее отъ неправильнаго заучиванія, практиковалось ученіе „въ слухъ“, громкое, на распѣвъ.

передалъ имъ ученіе. Когда отошли старѣйшины, явился весь народъ, и Моисей и ему изложилъ ученіе. Такимъ образомъ вышло, что Ааронъ четыре раза, его сыновья—три раза, старѣйшины—два раза и весь народъ—одинъ разъ выслушали ученіе. Когда удалился Моисей, Ааронъ повторилъ ученіе предъ всеми оставшимися; ушелъ Ааронъ, повторили ученіе сыновья его. Удалились сыновья, повторили ученіе старѣйшины. Такимъ образомъ, всѣ слышали его четыре раза“. Egrubin Fol. 54 b. Goldschmidt, B. II, S. 180—181.

¹⁾ Ibid., s. 181—182. См. еще Aboda Sara Fol. 19 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. 3: „человѣкъ долженъ продолжать учить до тѣхъ поръ, пока онъ забываетъ, или пока не понимаетъ того, что учить“.

²⁾ См. Sabbath Fol. 30 b. Goldschmidt, B. I, S. 386.

Сравни. Pesachim Fol. 117 a. Goldschmidt, B. II, S. 731.

внятное повтореніе урока до полного усвоенія его. Отступленіе отъ этого обычнаго пріема вызывало неудовольствіе со стороны учителя или вообще старшихъ, присутствовавшихъ при обученіи ¹⁾. Ему придавали также значеніе, что съ неисполненіемъ его ставили въ связь забвеніе выученнаго: „у р. Еліезера былъ ученикъ, который имѣлъ обыкновеніе учиться *тихо*; и вотъ черезъ три года ученикъ этотъ забылъ все выученное“ ²⁾.

Знала древне-еврейская педагогика и искусственныя мнемоническія средства для облегченія запоминанія преподаваемаго въ школъ. Мы уже видѣли, какой пріемъ практиковался въ этомъ направленіи при изученіи алфавита: здѣсь съ буквой соединялось какое-нибудь наставленіе моральнаго характера. Въ качествѣ мнемоническаго средства употреблялась еще замѣна однихъ буквъ въ словѣ другими, подчиненная извѣстнымъ правиламъ: напр., первыя буквы замѣнялись послѣдними. Но наиболѣе употребительна была замѣна буквъ числами, соотвѣтственно числовому порядку каждой буквы въ алфавитѣ. Слѣдуя этому весьма простому пріему, легко было превратить любое слово въ число, если только это оказывалось желательнымъ въ мнемоническихъ цѣляхъ ³⁾.

Излюбленнымъ методомъ преподаванія для низшихъ школъ былъ акроаматическій, при которомъ ученики оставались все время внимательными слушателями своихъ учителей. Но на извѣстной степени развитія ихъ, онъ замѣнялся методомъ эротематически-диспутативнымъ. Въ высшихъ школахъ диспутъ находилъ уже широкое примѣненіе. Впрочемъ, обращаться къ учителю съ вопросомъ съ цѣлью разъяснить непонятное въ урокъ, вообще, не только не возбранялось, а,

¹⁾ Напр., Беруріа, жена р. Мепра, дала пинка такому ученику, учившемуся *тихо*. Erubin fol. 54 a Goldschmidt, B. II, S. 176.

²⁾ Тамъ же

³⁾ См., напр., „Nedarim fol. 32 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, s. 203—204.

напротивъ, рекомендовалось самымъ настоятельнымъ образомъ: „застѣнчивый (стѣсняющійся спросить) не научится ничему“ ¹⁾. Учитель самъ обязанъ былъ съ любовью выходить навстрѣчу такой пытливости ученика, отнюдь не запрещая ея и не сердясь на спрашивающаго. Какъ на образецъ въ этомъ отношеніи раввины указываютъ на Гиллеля, давая наставленіе учителю: „будь терпѣливъ (кротокъ), какъ Гиллель, и не будь гнѣвливъ, какъ Шаммай“ ²⁾.

Естественными помощниками учителя въ школѣ могутъ быть лучшіе ученики: обученіе тогда становится взаимнымъ. Такой методъ практиковался и въ древне-еврейской школѣ, и раввины отзываются о немъ съ полнымъ одобреніемъ. „Какъ малый кусокъ дерева зажигаетъ большой, такъ меньшіе ученики изошряютъ (дѣлаютъ болѣе знающими) старшихъ. Это то самое, что сказалъ р. Ханина: многому я научился отъ своихъ учителей, еще большому отъ моихъ товарищей, но больше всего отъ моихъ учениковъ“ ³⁾. Здѣсь нужно вспомнить и разсказъ р. Хйи о томъ, какъ трудился онъ надъ распространеніемъ Торы среди евреевъ: пять книгъ Моисея и шесть трактатовъ Мишны онъ разучилъ съ 11 учениками, по одной книгѣ съ каждымъ, и затѣмъ каждому изъ нихъ сказалъ: „разучи твой отдѣлъ съ товарищами твоими“ ⁴⁾.

Вся эта методика древне-еврейской школы показываетъ, что обученіе велось въ ней неторопливо. Впередъ подвигались медленными шагами, но вѣрными: усвоилось немного,

¹⁾ Pirke Aboth, II, 5. Surenhusius, pars IV, pag. 425.

²⁾ Sabbath, Fol. 31 a. Goldschmidt. B. I, S. 387. По талмудическому разсказу, между двумя евреями было заключено пари на 400 су, которые долженъ былъ получить тотъ изъ нихъ, кто своими вопросами выведетъ Гиллеля изъ его обычнаго кроткаго спокойствія. И пари было проиграно: „Гиллеля, по его собственнымъ словамъ, нельзя привести въ гнѣвъ“.—Тамъ же.

³⁾ Taanith Fol. 7 a. Wünsche, Halbb. I, S. 418.

⁴⁾ Kethuboth Fol. 103 b. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 64.

но твердо. „Корова хочет больше дать, чѣмъ теленокъ можетъ высосать“¹⁾),—предостерегаетъ учителей отъ поспѣшности въ обученіи р. Акиба. „Кто учить законъ поспѣшно, у того убываетъ онъ, а кто складываетъ знаніе медленно (постепенно), у того возрастаетъ оно“²⁾). Самъ Моисей получилъ отъ Бога законъ не сразу весь, а въ два приѣма; и это для того, чтобы онъ имѣлъ возможность въ промежуткѣ обдумать переданное ему³⁾). Поэтому и ученики въ школѣ непременно должны имѣть достаточное время для надлежащаго усвоенія урока. Вообще, классическій принципъ „*non multa, sed multum*“—„не много, да хорошо“ строго проводился въ древне-еврейской школѣ, которая полудзнанія не терпѣла. Лучше выучить два трактата и знать ихъ основательно, чѣмъ напечатлѣть въ памяти множество галахъ, безъ точнаго знанія ихъ, только бы считаться ученымъ⁴⁾),—говорили раввины. И такой принципъ, конечно, долженъ былъ давать благіе результаты. Когда, по талмудическому разсказу, нѣкто Ахеръ въ одинъ день посѣтилъ тринадцать школъ, онъ вездѣ спрашивалъ одного изъ учениковъ: „скажи мнѣ твой стихъ“. И вотъ, въ каждой школѣ на его вопросъ ученикъ отвѣчалъ ему именно тотъ стихъ Писанія, какой служилъ школьнымъ урокомъ въ тотъ день: въ первой школѣ—Исаія LVII, 21, во второй—Іереміа II, 22, въ третьей—Іерем. IV, 30 и т. д.⁵⁾). Если допустить на основаніи этого мѣста, что въ низшихъ библейскихъ школахъ проходили въ день только по одному стиху Библіи, то медленность и вмѣстѣ съ тѣмъ твердость и отчетливость усвоенія Писанія въ древне-еврейской школѣ станутъ для насъ вполне понятны.

1) Pesachim Fol 112 a. Goldschmidt. B. II, S 713

2) Aboda Sara Fol. 19 a. Wünsche, Halbb. II, Abth 3, S. 316.

3) Midrasch Wajikra Rabba Parasch I, cap I. Wünsche, S. 6—7.

4) Ibid Parasch. III cap II. Wünsche, S. 18

5) Chagiga Fol 15 a. Wünsche, Halbb. I, S. 285.

Труды Киевск. дух. Академіи Т. III, 1903 г.,

Школа не можетъ жить безъ дисциплины, и Коменскій своею классическою фразею о мельницѣ ¹⁾ не сказалъ въ этомъ отношеніи ничего новаго. Школа, какъ организація, преслѣдующая извѣстную цѣль, естественно должна опираться на установленный *modus vivendi*, для поддержанія котораго она, столь же естественно, вырабатываетъ для себя извѣстную систему дисциплины. Не могла обойтись безъ этого и школа древне-еврейская. Дисциплина въ ней носила, повидимому, характеръ довольно строгій, но чуждый суровости и жестокости. Такъ, среди наказаній, практиковавшихся въ ней, мы видимъ и физическія: „ремешокъ“ составляетъ необходимую принадлежность школьнаго учителя ²⁾. Но, въ-первыхъ, отъ физическихъ наказаній были свободны старшіе ученики: даже отецъ, по талмудическому ученію, не имѣлъ права бить своего взрослого сына ³⁾; во-вторыхъ, весьма характернымъ здѣсь представляется тотъ общій принципъ, какому слѣдовала школа въ своей дисциплинѣ. „Наши раввины учили, читаемъ въ Талмудѣ: всегда привлекай правую рукою того, кого оттолкнуть отъ себя лѣвою, а не какъ Елисей, который оттолкнулъ двумя руками Гезія, и не какъ Іисусъ бенъ Перахія, сдѣлавшій то же съ Назареномъ“ ⁴⁾. Здѣсь ясно видна извѣстная педагогическая тенденція—необходимость *расположенія* ученика къ учителю, симпатіи къ нему, безъ чего всѣ воспитательныя воздѣйствія учителя теряютъ самую надежную почву для себя въ душѣ ученика. Вообще, искренность, полная откровенность по отношенію къ учителю ставились высоко въ этой школѣ, допускавшей въ этихъ цѣляхъ, какъ мы уже видѣли, полную свободу учени-

¹⁾ См. Избр. пед. сочиненія Яна Амоса Коменскаго въ переводѣ А. Адольфа и С. Любоумрова. 4 I. Великая Дидактика. М. 1893, стр. 244.

²⁾ Succa Fol. 29 a. Wünsche, Halbb. I, S. 392. Baba Batra Fol. 21 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. 2, S. 155.

³⁾ Moed Katon Fol. 17 a. Wünsche, Halbb. I, S. 301.

⁴⁾ Sota Fol. 47 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 340.

камь обращаться къ учителю съ вопросами обо всемъ, что представлялось имъ не достаточно яснымъ.

Въ основѣ всего учебно-воспитательнаго дѣла древне-еврейской школы лежало, повидимому, одно начало: глубочайшее уваженіе къ учителю и полное безусловное подчиненіе авторитету его. Эта характерная черта проходитъ весьма замѣтно чрезъ всю талмудическую педагогику.

Она видна уже въ тѣхъ названіяхъ, какія усвояются учителямъ въ Талмудѣ. Это—„свѣтильники Израиля“, „столбы“ ¹⁾, „звѣзды“ ²⁾, „великіе въ своемъ народѣ“, „вожди своего племени“ ³⁾, „ангелы Божіи“ ⁴⁾, „царя“, „отцы міра“, „стражи города“, „благодѣтели народа“ ⁵⁾ и т. п. Отсюда, уваженіе по отношенію къ нимъ предписывается, можно сказать, безграничное. „Р. Елеазаръ б. Шаммуа сказалъ: „честь твоего ученика должна быть для тебя какъ твоя собственная, честь твоего ближняго—какъ благоговѣніе предъ твоимъ учителемъ, а благоговѣніе предъ учителемъ—какъ благоговѣніе передъ небомъ“ ⁶⁾. Въ этомъ отношеніи учитель ставится выше отца, авторитетъ котораго блѣднѣетъ предъ авторитетомъ учителя: „отецъ вводитъ только въ этотъ міръ, учитель-же, научившій мудрости, ведетъ къ жизни будущаго вѣка“ ⁷⁾. Поэтому, по ученію раввиновъ, „кто

¹⁾ Berachot Fol. 28 b. Goldschmidt, B. I, S. 104.

²⁾ Baba B'tra Fol. 8 b. Wünsche, Halbb. II, Abth. 2, S. 122.

³⁾ Kethuboth Fol. 17 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 45.

⁴⁾ Moed Katon Fol. 17 a. Wünsche, Halbb. I, S. 301.

⁵⁾ Lewit, Op. cit., S. 22.

⁶⁾ Pirke Aboth IV, 5. Wünsche, Halbb. II, Abth. 3, S. 457. Сравни. въ Мишнахъ IV, 12. Surenbrius, pars IV, pag. 456.

⁷⁾ Baba Mezia Fol. 33 a. Въ тѣхъ случаяхъ, если отецъ и учитель одинаково нуждаются въ помощи, рекомендуется помочь сначала учителю. Такъ, если они оба потеряли что нибудь, то потерянное учителемъ должно стоять на первомъ планѣ. „Если отецъ и учитель несутъ тяжесть, то сначала должно снять

противорѣчить своему учителю, тотъ поступаетъ такъ, какъ если-бы онъ противорѣчилъ Пехинѣ "... „Если кто спорить со своимъ учителемъ, то это все равно, какъ если бы онъ спорилъ съ Шехиной“... То-же говорится о тѣхъ, „кто ропщетъ на своего учителя“, или „кто имѣетъ дурныя мысли противъ учителя“¹⁾. Въ знакъ уваженія къ учителю требовалось встать предъ нимъ: такъ толкуютъ раввины Лев. XIX, 32. При этомъ, по мнѣнiю одного изъ нихъ, встать слѣдуетъ даже и въ томъ случаѣ, если ученый будетъ по возрасту юный человекъ²⁾. „Всякій ученикъ мудраго, говорить р. Елеазаръ, который не встаетъ передъ своимъ учителемъ, считается преступникомъ (нечестивцемъ—שׁוֹטֵם); коротокъ вѣкъ его и выученное имъ придетъ въ забвенiе“³⁾. При обращенiи къ учителю ученикъ долженъ говорить ему „Rabbi“ или „Mag“ (господинъ), а не называть по имени⁴⁾. Какъ велико должно быть уваженiе къ учителю (профессиональному), видно, между прочимъ, изъ предписанiя раввиновъ оказывать честь даже всякому человеку, отъ котораго пришлось научиться „одной главѣ, или одной галахѣ, или одному стиху, или одному слову или хотя бы только одной буквѣ“ закона⁵⁾.

Причина такого высокаго, граничащаго съ благоговѣнiемъ, уваженiя къ учителю заключалась въ высотѣ того божественнаго ученiя, которое передавалъ онъ своимъ ученикамъ,—не въ немъ самомъ, а въ Торѣ, которой служилъ

ее съ учителя и только потомъ уже съ отца. Если отецъ и учитель находятся въ темницѣ, то сперва нужно освободить учителя и только потомъ уже отца“. Ibid. Wunsche, Halbb. II, Abth. 2, S. 64.

¹⁾ Sanhedrin Fol. 110 a. Wunsche, Halbb. II, Abth. 3, S. 282. Berachot Fol. 17 a. Wunsche, Halbb. I, S. 39.

²⁾ Kidduschin Fol. 32 b. Wunsche, Halbb. II, Abth. I, S. 99—100

³⁾ Kidduschin Fol. 33 b. Wunsche, ibid, S. 101.

⁴⁾ Sanhedrin Fol. 110 a. См. у Lewit'a, кит. соч., стр. 29.

⁵⁾ Pirke Aboth VI, 3. Wunsche, Halbb. II, Abth. 3, S. 466.

онъ, насаждать которую въ умахъ молодыхъ поколѣній было его призваніемъ. Когда у равви Акибы умерли двое сыновей, и всѣ жители города собрались къ нему съ цѣлью выразить ему свою общую скорбь, онъ, поднявшись на высокую скамью, сказалъ имъ, что находитъ утѣшеніе въ той чести, какую они оказали ему, но всю эту честь относить не къ себѣ лично: „только *ученіе Господа*, которое носить онъ въ сердцѣ, могло привести ихъ къ нему“ ¹⁾. Итакъ, заслуживаетъ уваженія каждый учитель, независимо отъ своего происхожденія и возраста. „Р. Меиръ сказалъ: не смотри на сосудъ, а на то, что въ немъ; бываетъ новый сосудъ, полный стараго вина, и старый сосудъ, въ которомъ ни разу не было и новое вино“ ²⁾. Однако это отнюдь не значить, будто „сосудъ“ самъ по себѣ ужъ совершенно не имѣетъ значенія, будто талмудисты, придавая такое огромное значеніе дѣлу учителя, въ виду высокаго содержанія преподаваемаго имъ ученія, относились къ личнымъ качествамъ его безразлично. Напротивъ, въ этомъ отношеніи талмудическая педагогика отличается даже особенною требовательностію. При этомъ, требованія ея касаются не столько умственныхъ, сколько нравственныхъ качествъ учителя.

Учителю, конечно, необходимо знаніе своего предмета, безъ чего онъ не можетъ и взяться за дѣло. Но въ какомъ объемѣ желательно это знаніе? Древне-еврейская школа въ этомъ отношеніи, повидимому, не ставила требованій очень

¹⁾ Moed Katon Fol. 21, Lewit, S. 23.

²⁾ Pirke Aboth IV, 26. Wünsche, Halbb. II, Abth. 3, S. 458—459. Сравни. въ Миснѣ IV, 20. Surenhusius, pars. IV, pag. 461. Эти слова р. Меира, касающіяся собственно возраста учителя, непосредственно слѣдуютъ за противоположнымъ мнѣніемъ р. Иосе б. Гуды, который говоритъ: „кто учится у юношей, кому подобенъ такой человѣкъ? конечно, тому, кто есть незрѣлый виноградъ и пьетъ вино (прямо) изъ даяльни своей. А кто учится у стариковъ—кому подобенъ? безъ сомнѣнія, тому, кто есть зрѣлый виноградъ и пьетъ старое вино“ (Ibid.). Очевидно, юный возрастъ вообще считался неподходящимъ для учителя.

широкихъ. Для нея важнѣе были старательность, добросовѣстность учителя, а также его преподавательскія способности. „Учитель, который во время обученія оставляетъ дѣтей, или занимается другимъ дѣломъ, или не радѣетъ объ обученіи, принадлежитъ къ тѣмъ, о которыхъ сказано (Іерем. XLVIII, 10): „проклятъ, кто дѣло Господне дѣлаетъ небрежно“¹⁾. Впрочемъ, раввины, поднимая вопросъ о томъ, кто изъ учителей лучше—тотъ-ли, кто „учить многому, но не старательно“, или тотъ, кто „отличается старательностью, но обучаетъ немногому“,—отвѣчаютъ не одинаково: Рабба стоитъ за перваго, р. Дими, напротивъ, отдаетъ предпочтеніе второму²⁾. Во всякомъ случаѣ, кромѣ старательнаго отношенія къ своему дѣлу, отъ учителя требовалось и умѣнье вести его, умѣнье отвѣчать на вопросы учениковъ ясно, опредѣленно, безъ колебаній, въ категорической, рѣшительной формѣ. „Наши раввины учили: во Второз. VI, 7 сказано: „и ты долженъ внушить ихъ (слова закона) дѣтямъ твоимъ“, т. е. эти слова должны быть въ твоихъ устахъ *внушительны*, именно: если спросить тебя кто-нибудь (изъ обучающихся у тебя закону), то отвѣчай ему не заикаясь (съ нерѣшительностію), а скажи ему сразу ясно“³⁾... Умѣньемъ дать отвѣтъ на вопросъ въ программѣ только-ли одного талмудическаго трактата или же всего ученія опредѣляется меньшее или большее достоинство ученаго знатока Писанія⁴⁾ Но вообще, уровень знаній и образованности учителей школъ, повидимому, былъ не высокъ. По крайней мѣрѣ, на это жалуются и сами раввины. „Р. Еліезеръ Великій (б. Гирканось, нач.

¹⁾ Baba Batra Fol. 21 b. См. Lewit, S. 25. То же прилагается и къ учителю, неправильно прочитавшему съ учениками текстъ Писанія, допустившему ошибку въ чтеніи. Ibid Fol. 21 ab. См. Wünsche, Halbb. II, Abth. 2, S. 156.

²⁾ Baba Batra Fol. 21 ab. Wünsche, ibid.

³⁾ Kidduschin Fol. 30 ab. Wünsche Halbb. II, Abth. I, S. 89.

⁴⁾ Sabbath. Fol. 114 a. Goldschmidt, B. I. S. 592.

II в. по Р. Хр.) сказалъ: со времени разрушенія храма ученые (книжники) стали подобны учителямъ дѣтей (элементарныхъ школъ), дѣтскіе учителя—служителямъ синагогъ, синагогальные служители—невѣждамъ (простому народу), эти же становятся все болѣе жалкими, и нѣтъ никого, кто спрашивалъ-бы и искалъ (знанія)¹⁾...

Нравственная сторона личности учителя очерчивается въ талмудическихъ предписаніяхъ подробнѣе²⁾. Тотъ, кто хочетъ учить другихъ высокимъ началамъ жизни, заключающимся въ Торѣ, самъ долженъ стоять на высотѣ, чтобы подавать живой примѣръ ученикамъ: слово у него отнюдь не должно расходиться съ убѣжденіемъ и поступками. Повелѣніе относительно ковчега: „и обложи его чистымъ золотомъ, изнутри и снаружи покрой его“ (Исх. XXV, 11) раввины прилагаютъ и къ учителю. „Раба сказалъ: мудрый (книжникъ), который внутри не таковъ, какимъ является по внѣшности, не есть мудрый“. По мнѣнію другого раввина, такой даже долженъ быть названъ „сквернымъ“, „мерзкимъ“³⁾. „Чи дѣла больше, чѣмъ его мудрость, мудрость того пребудетъ: если же въ комъ мудрость больше дѣлъ, того мудрость не прочна“⁴⁾... „Чему подобенъ такой чело-вѣкъ?—дереву, имѣющему много вѣтвей и мало корней: поднимается вѣтеръ, вырываетъ его съ корнемъ и бросаетъ прочь... А тотъ, у котораго дѣла превосходятъ мудрость, чему подобенъ?—дереву, у котораго хотя мало вѣтвей, но много корней: если бы обрушились на него и всѣ вѣтры міра, они не сдвинутъ его съ мѣста“⁵⁾...

¹⁾ Sota Fol. 49 ab Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 351.

²⁾ Считаемо нужнымъ оговориться, что мы пользуемся и тѣми мѣстами Талмуда, которые касаются ученаго сословія вообще, а не только учителей низшихъ школъ.

³⁾ Joma Fol. 72 b Goldschmidt, B. II, S. 966.

⁴⁾ Mischna, Pirke Aboth III, 9. Surenhusius, pars IV, pag 440.

⁵⁾ Ibid. III, 17. Surenhusius, p 446.

Одною изъ главнѣйшихъ добродѣтелей наставника, обучающаго Торѣ, признается скромность, отсутствіе гордости и тщеславія. „Почему слова Торы сравниваются съ тремя напитками, именно—съ водою, виномъ и молокомъ?“ спрашиваетъ р. Ошайя и даетъ такой отвѣтъ: „чтобы ты зналъ: какъ эти напитки сохраняются только въ глиняныхъ (простыхъ) сосудахъ, такъ и слова Торы удерживаются (твердо и правильно) лишь въ умѣ того человѣка, кто кротокъ душою“¹⁾. Однако это смиреніе не должно переходить въ полное самоуничиженіе: оно не исключаетъ въ скромномъ учителѣ сознанія собственнаго достоинства. Последнее, напротивъ, должно составлять также необходимую черту педагогическаго-ученаго сословія, въ силу высоты того дѣла, которому оно служитъ. Отсюда, рядомъ съ осужденіемъ гордости, мы встрѣчаемъ въ ученіи раввиновъ и признаніе извѣстной необходимости ея въ учителѣ. „Р. Хизла сказалъ: о каждомъ, въ комъ живетъ духъ гордости (высокомѣрія), говорить Святый, да будетъ онъ благословенъ: Я и онъ не можемъ жить въ мірѣ вмѣстѣ“... „Р. Александръ сказалъ: всякаго, въ комъ есть духъ высокомѣрія, малѣйшій вѣтеръ (порывъ страсти) приводитъ въ смятеніе“. Но здѣсь же даѣе читаемъ: „р. Хіия баръ Аши сказалъ отъ имени Раба: въ каждомъ ученикѣ мудраго должна быть одна восьмая восьмой гордости. По мнѣнію р. Гуны б. Іосіи, это украшаетъ его, какъ цвѣтъ украшаетъ колось“²⁾.

Эта особенная гордость, въ смыслѣ сознанія своего достоинства, должна побуждать учителя зорко охранять таковое въ обществѣ, т. е. быть внимательнымъ ко всему, что касается его личности и впечатлѣнія, производимаго ею на окружающихъ. Отсюда, для него обязательно соблюденіе полной внѣшней благопристойности, безукоризненная корректность

¹⁾ Thaanith Fol. 7 ab. Wünsche, Halbb. I, S. 418.

²⁾ Sota Fol. 5 a. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 246.

даже въ мелочахъ. „Раввины учили: шесть вещей не приличны для ученаго: пусть не выходитъ раздушенный на улицу, пусть не выходитъ ночью одинъ, не ходитъ въ заплатанныхъ башмакахъ, не разговариваетъ на улицѣ съ женщиной, не сидитъ (проводитъ время) въ обществѣ неvědждъ и не входитъ въ школу послѣднимъ. Нѣкоторые прибавляютъ: пусть также не дѣлаетъ большихъ шаговъ и не ходитъ слишкомъ выпрямившись“ ¹⁾. То же сознаніе своего достоинства должно отражаться и на его семьѣ. Такъ, нежелательно, чтобы его сыновья и дочери вступали въ бракъ съ людьми низшаго сословія, простого народа. Лучше всего, если брачнымъ союзомъ соединятся дѣти одного и того же высокаго класса ученыхъ книжниковъ ²⁾.

Нестыжательность, отсутствіе корыстолюбія, побуждающаго стремиться извлечь изъ своего дѣла возможно больше матеріальныхъ выгодъ для себя, также одна изъ важныхъ

¹⁾ Berachot Fol. 43 b. Goldschmidt, B. I, S. 158. Интересны толкованія этихъ предписаній. Первое относится то къ платью, то къ волосамъ, то къ тѣлу. Второе допускаетъ исключеніе: если учитель имѣетъ въ это время свой установленный урокъ, то онъ можетъ выходить одинъ. Третье открываетъ возможность многихъ ограниченій: если заплатъ не много, или если онъ находится на подошвѣ, а не сверху, не на видной части обуви, то въ такой обуви ходить можно. Это требованіе, дагѣе, касается только появленія учителя „на улицѣ“, слѣдовательно, на домашнюю жизнь его не простирается. Наконецъ, оно имѣетъ въ виду лишь лѣтнюю хорошую погоду, а отнюдь не дождь. Запрещеніе разговаривать на улицѣ „съ женщиной“ толкуется въ самомъ строгомъ смыслѣ, не допуская, повидимому, никакихъ исключеній: „даже если бы это была его жена, или даже дочь, или сестра, такъ какъ не всѣмъ извѣстны его родня“... и т. д. См. тамъ-же, стр. 158—159. Сравни. еще Sabbath Fol. 114 a. Goldschmidt, B. I, S. 592.

²⁾ Pesachim Fol. 49 b. „Раввины учили: обыкновенно продаютъ все, что имѣютъ, только бы имѣть возможность жениться на дочери книжника, или выдать дочь замужъ за книжника. Это подобно соединенію (за столомъ) винограда съ виноградомъ, что и красиво и прилично. Но не женятся (сыновья книжниковъ) на дочери челоуѣка изъ простого народа: это было бы подобно соединенію винограда съ ягодами терновника, что и безобразно и неприлично“. Goldschmidt, B. II, S. 493. Сравни. подробности на стр. 494.

черть, требуемыхъ талмудическими предписаніями отъ учителя. „Кто служить Божественному ученію ради собственной выгоды (наживы), погибнетъ“, говоритъ самъ знаменитый Гиллель ¹⁾. Высокое значеніе для учителя этой дородѣтели-нестязательности подчеркивается особенно сильно. „Рабъ пришелъ въ одно мѣсто и установилъ постъ (по случаю засухи), но дождь не пошелъ. Тогда сталъ чтець синагогальныхъ молитвъ на свое мѣсто. И вотъ, когда сказалъ онъ: „Ты, повелѣвающийъ дуть вѣтру“,—подулъ вѣтеръ, и когда прочелъ онъ: „Ты, ниспосылающій дождь“,—пошелъ дождь. Тогда (въ удивленіи предъ такою силою его) спросили: чѣмъ ты занимаешься? Онъ же отвѣтилъ: я учитель дѣтей и учу читать, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ; кто не имѣетъ денегъ, отъ того я не беру ничего. Кромѣ того, я содержу рыбный садокъ и изъ получаемыхъ средствъ помогаю каждому, кто не хочетъ учиться (по бѣдности), и настаиваю до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ и не станетъ учиться читать“ ²⁾. Итакъ, простой школьный учитель, если только онъ служитъ своему дѣлу безкорыстно и съ искреннею любовью къ нему и къ дѣтямъ, становится великимъ чело-вѣкомъ, настолько угоднымъ Богомъ, что его слову пови-нются даже стихіи.

То-же безкорыстіе должно побуждать школьнаго учителя нести свои обязанности безвозмездно. Брать плату за обученіе закону въ принципѣ считалось грѣхомъ, такъ какъ законъ этотъ полученъ отъ Бога (даромъ); поэтому опредѣленнаго общественнаго жалованья не было положено школьному учи-телю. Общество лишь освобождало его отъ всѣхъ податей и общественныхъ работъ ³⁾. Но здѣсь естественно возникалъ вопросъ: на какія же средства жить учителю, въ больши-п-

¹⁾ Mischna, Pirke Aboth I, 13. См. Surenhusius, pars IV, pag. 417.

²⁾ Thaanith Fol. 24 a. Wünsche, Halbb. I, S. 463.

³⁾ Kethuboth Fol 62 a. См. Lewit, op. cit., p. 26.

ствѣ случаевъ человѣку очень бѣдному? И вотъ, рѣшался онъ въ такомъ смыслѣ: брать dobroхотныя приношенія отъ родителей ученика не возбраняется; только таковыя, во-первыхъ, всегда должны быть именно dobroхотными (никакой таксировки не допускается), во-вторыхъ, они объясняются какъ плата не за обученіе, каковое само по себѣ не должно быть оплачиваемо, а за надзоръ надъ дѣтьми и воспитаніе ихъ, главнымъ же образомъ — за потраченное учителемъ время, необходимое ему для пріобрѣтенія средствъ къ жизни ¹⁾.

Легко понять, какъ скудно при такой системѣ долженъ былъ вознаграждаться учительскій трудъ родителями дѣтей, людьми также чаще всего очень бѣдными, и какъ тягостно въ матерьяльномъ отношеніи было положеніе школьнаго учителя. Послѣднему, естественно, приходилось мириться со многими лишеніями и по необходимости искать какихъ-нибудь побочныхъ занятій, которыя давали бы болѣе вѣрныя средства къ жизни. И мудрость раввиновъ предусматриваетъ то и другое. „Вотъ путь Торы, гласятъ „Изреченія отцовъ“ : ѣшь хлѣбъ съ солью и пей воду умѣренно, на землѣ сии, живи въ нуждѣ и трудись неустанно надъ изученіемъ закона. Если такъ поступаешь, счастливъ ты, и благо тебѣ: счастливъ въ этомъ мірѣ, и благо тебѣ въ будущемъ“ ²⁾. Въ качествѣ источника матерьяльныхъ средствъ къ жизни учителю рекомендуется занятіе ручнымъ трудомъ, какимъ нибудь ремесломъ. Послѣднее отнюдь не считается позорнымъ, или въ какомъ-нибудь отношеніи вреднымъ для него; напротивъ, ручной трудъ, наполняя досугъ учителя, при-

¹⁾ Nedarim Fol. 36. См. тамъ-же, стр. 26.

²⁾ И дальше: „не ищи великолѣпія и не желай славы болѣею учености твоей. Не желай стола царей, такъ какъ твоя трапеза обильнѣе ихъ, и твой вѣнецъ славѣ ихъ короны. И вѣренъ Господинъ труда твоего, который воздастъ тебѣ награду за дѣло твое“. Mischna, Pirke Aboth VI, 4. Surenhusius, pars IV, pag. 486.

знается полезнымъ для него даже въ нравственномъ отношеніи. „Р. Гамалильтъ, сынъ р. Гуды князя, сказалъ: прекрасно изученіе закона въ соединеніи съ какимъ-нибудь искусствомъ, ибо трудъ надъ тѣмъ и другимъ заставляетъ забывать о грѣхѣ (удерживаетъ отъ грѣха). Всякое же занятіе, не связанное ни съ какимъ физическимъ упражненіемъ, (само по себѣ, одно) оказывается (въ этомъ отношеніи) недостаточнымъ и ведетъ за собой грѣхъ“ ¹⁾). Насколько этотъ взглядъ былъ популяренъ и примѣнялся на практикѣ, лучшимъ показателемъ этого можетъ служить уже тотъ фактъ, что очень многіе не только изъ простыхъ учителей, но даже изъ извѣстныхъ въ Талмудѣ своею ученостію раввиновъ занимались физическимъ трудомъ. Такъ, великій Гиллель былъ поденщикомъ ²⁾), р. Акиба пастухомъ ³⁾), р. Хилкія — дровосѣкомъ ⁴⁾), р. Нехунья копателемъ цистернъ, р. Іосе б. Хамарга кожевникомъ и т. п. ⁵⁾).

Истинный учитель, глубоко преданный своему дѣлу, уже вслѣдствіе высоты того предмета, который одинъ составляетъ почти всю его учебную программу, долженъ быть человекомъ выдающихся качествъ — умственныхъ и нравственныхъ: такимъ дѣлаетъ его сама Тора, изученію и постиженію которой онъ отдаетъ всѣ свои силы. „Р. Меиръ сказалъ: кто занимается Торой ради нея самой, тотъ достоинъ многого, даже цѣлаго міра. Онъ называется другомъ и любимцемъ (Бога). Онъ любитъ Бога и любитъ людей, радуется о Богѣ и радуется о людяхъ. Тора одѣваетъ его кротостію и страхомъ. Божіимъ, дѣлаетъ его справедливымъ, благочестивымъ, искреннимъ и вѣрнымъ; она удерживаетъ его

¹⁾ Тамъ же, стр. 413.

²⁾ Joma Fd. 35 b. Goldschmidt, B. II, S. 819.

³⁾ Kethuboth Fol. 62 b. Wünsche, Halbb. II, Abth. I, S. 51.

⁴⁾ Thaanith Fol. 23 a. Wünsche, Halbb. I, S. 457.

⁵⁾ Jebamoth Fol. 121 b. Sabbath Fol. 49 a. См. Lewit, op. cit., p. 28.

отъ грѣха и приближаетъ къ невинности. У него находятъ совѣтъ и разумъ, благоразуміе и силу... Ему открываются тайны Торы. Онъ—какъ источникъ, который никогда не изсякаетъ, и какъ потокъ, который все увеличивается; онъ скромнень и терпѣливъ, прощаетъ обиды. Такого возвеличиваетъ Тора и возвышаетъ надъ всѣмъ созданіями“¹⁾).

Какъ видимъ, древне-еврейская педагогика рельефно выставила значеніе личныхъ качествъ учителя для его школьнаго дѣла. Окружая его дѣятельность ореоломъ высокой важности, глубокаго жизненнаго значенія, она предъявляетъ широкія требованія и къ нему самому. Очевидно, тотъ законъ глубокаго воспитательнаго воздѣйствія живой личности воспитателя, который сталъ аксіомой въ наше время, былъ хорошо извѣстенъ уже этой педагогикѣ древнихъ евреевъ.

На этомъ свой бѣглый очеркъ заканчиваемъ. Къ какому заключенію можемъ прійти на основанія этихъ краткихъ свѣдѣній о школѣ древнихъ евреевъ: какое значеніе принадлежитъ ей въ исторіи еврейскаго воспитанія?

Мы видѣли, съ какимъ стараніемъ раввинская традиція стремилась обратить вниманіе евреевъ на школу, воспитать въ нихъ убѣжденіе, что здѣсь источникъ ихъ благополучія, очагъ, у котораго должны согрѣваться и закаляться силы для дальнѣйшаго существованія евреевъ, какъ націи. И эта настойчивая проповѣдь авторитетовъ не осталась безплодною: школа широко распространилась и глубоко вкоренилась въ еврействѣ—до того, что стала неотъемлемою принадлежностью его на всякомъ мѣстѣ и во всякое время. Такимъ образомъ, столь важный и обыкновенно столь трудный вопросъ—о всеобщемъ народномъ образованіи здѣсь самъ собою, безъ особаго труда, достигъ своего окончательнаго и полнаго рѣшенія. Но этого мало: школа для евреевъ дѣйстви-

¹⁾ Mischna, Pirke Aboth VI, 1. Surenhusius, pars IV, pag. 484.

тельно стала тѣмъ, чѣмъ должна была сдѣлаться по мысли мудрыхъ раввиновъ. Вся организація ея и особенно нѣкоторыя характернѣйшія черты въ ней способствовали этому.

Въ самомъ дѣлѣ, не видимъ ли мы, какъ все въ этой школѣ тѣсно и крѣпко сплочено, твердо и неуклонно направляется къ достиженію одной ясной, вполне определенной цѣли. *Научить закону и воспитать въ законѣ*—вотъ эта цѣль. Начинаящееся въ раннемъ, уже шестилѣтнемъ возрастѣ, медленное—по одному стиху въ день, прилежнѣйшее—съ безконечными повтореніями изученіе текста закона въ Библии, а потомъ и въ Талмудѣ—таковъ путь для достиженія первой половины этой цѣли. Путь, несомнѣнно, не легкій, не смотря на тѣ (немногіе) облегчающіе приемы и средства, какіе практикуетъ эта школа; во многихъ отношеніяхъ онъ не выдержитъ современной педагогической критики. И тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что этотъ простой путь вѣрно приводилъ и приводитъ еврейскаго ученика къ цѣли. Неторопливость въ движеніи впередъ, съ постояннымъ возвращеніемъ къ уже пройденному, съ нарастаніемъ матерьяла вокругъ библейскихъ свѣдѣній въ пиколѣ талмудической, главное-же—несложность программы, однопредметность ея—дѣлали то, что цѣль достигалась: буква закона тѣми, кто проходилъ всю школу, усваивалась прочно. „У насъ каждый знаетъ законъ какъ свое собственное имя, говоритъ Іосифъ Флавій: потому что отъ перваго пробужденія разума мы учимъ его наизусть до тѣхъ поръ, пока не будетъ отъ какъ бы насажденъ въ нашемъ сердцѣ“¹⁾. И исторія евреевъ знаетъ не мало примѣровъ выдающихся, блестящихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи.

Но это лишь половина задачи, какую ставила для себя древне-еврейская школа. Параллельно и вмѣстѣ съ усвоеніемъ буквы закона шло и воспитаніе ученика въ этомъ законѣ,

¹⁾ Дрив., Іуд. II, 18.

т. е. то глубокое вкоренение, или именно „насаждение“ его въ душѣ ученика, которое должно было сдѣлать послѣдняго человѣкомъ, горячо, до фанатизма преданнымъ своему закону, слѣпымъ ревнителемъ его, готовымъ всегда, при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, всѣми средствами служить ему и, если нужно, защищать его. Эта цѣль должна была достигаться частію — самымъ изученіемъ закона, благодаря особой настойчивости и прочности въ усвоеніи его, частію же — тою специальною атмосферою, какую заключала въ себѣ каждая еврейская школа, и какую создавала здѣсь личность учителя. Мы видѣли, на какой пьедесталъ ставила учителя древне-еврейская талмудическая педагогика и вмѣстѣ съ тѣмъ какія требованія предъявляла къ нему. Окруженный глубочайшимъ авторитетомъ носителя закона, самъ корректѣйшій исполнитель всѣхъ предписаній его, этотъ учитель своею личностью, своимъ авторитетомъ, своимъ живымъ примѣромъ утверждалъ въ душахъ учениковъ то, чему училъ ихъ своимъ словомъ. Такая цѣлостность воздѣйствій школы не могла не приводить къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ школа и стремилась: она должна была воспитывать *еврея*, только еврея и никого другого, человѣка преданнаго своему закону, а съ нимъ и своему народу.

Въ этомъ великій, глубочайшій смыслъ древне-еврейской школы. Можно говорить о многихъ недостаткахъ ея съ педагогической точки зрѣнія; нельзя не видѣть также отрицательной стороны и въ нравственно-воспитательныхъ воздѣйствіяхъ ея: плодомъ этого воспитанія являются — искаженіе истинныхъ библейскихъ идеаловъ ветхозавѣтнаго Израиля, замѣна истиннаго религіознаго чувства бездушнымъ поклоненіемъ буквѣ и обряду, тотъ особый національный эгоизмъ, который убиваетъ въ евреѣ правильный взглядъ на себя и свои отношенія къ другимъ народамъ, и т. д. Все это несомнѣнно такъ. И однако-же, нельзя не признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что еврейская школа сыграла великую роль въ исто-

рической жизни еврейства, вполне оправдавъ въ этомъ отношеніи надежды древнихъ раввиновъ: именно она, вмѣстѣ съ синагогой вліяя и на семью, способствовала сохраненію евреевъ какъ націи, какъ народа, не смотря на всѣ многочисленныя историческія препятствія къ этому.

Многіе народы древности по началу своей исторической жизни были сверстниками евреевъ, а гдѣ они теперь? Лишь остатки величественныхъ монументальныхъ сооружений, поплаженные временемъ, все еще краснорѣчиво говорятъ намъ о нѣкогда блестящей славѣ этихъ народовъ, о бывшихъ великихъ силахъ и дарованіяхъ ихъ національнаго гения. Между тѣмъ евреи, выдержавъ гнетъ многовѣкового рабства у различныхъ народовъ, потерявъ отечество, переживъ многочисленныя гоненія, среди всевозможныхъ лишеній и притѣсненій продолжаютъ жить, населяя всѣ страны свѣта; мало того: и нынѣ, какъ и въ древности, они все еще сохраняютъ свою самобытную фізіономію—свои племенные черты, свой характеръ, свою религію и глубокое чувство своей національной сопринадлежности. Гдѣ причина этого? Если и не всецѣло, то въ значительнѣйшей степени еврейскій народъ обязанъ этимъ тому традиціонному талмудическому воспитанію своему, важнѣйшимъ факторомъ котораго является еврейская школа.

Н. Маккавейскій.